

Дж. Р. Р.
ТОЛКИН
ХОББИТ

Джон Толкин

Хоббит

«АСТ»

1937

Толкин Д. Р.

Хоббит / Д. Р. Толкин — «АСТ», 1937

ISBN 978-5-17-078506-3

«В земле была нора, а в норе жил хоббит». Эти слова написал Джон Рональд Руэл Толкин на обороте школьной экзаменационной работы, которую проверял одним жарким летним днем. И кто бы мог подумать, что именно из них, как из волшебного зернышка, произрастет одно из самых известных произведений мировой литературы. Это сказка, покорившая и детей, и взрослых, отправляет читателя в невероятное путешествие, дарит незабываемое ощущение первозданного детского восторга и добра.

ISBN 978-5-17-078506-3

© Толкин Д. Р., 1937

© АСТ, 1937

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джон Толкин

Хоббит

John R.R. Tolkien
THE HOBBIT

Originally published in the English language by
HarperCollins Publishers Ltd.

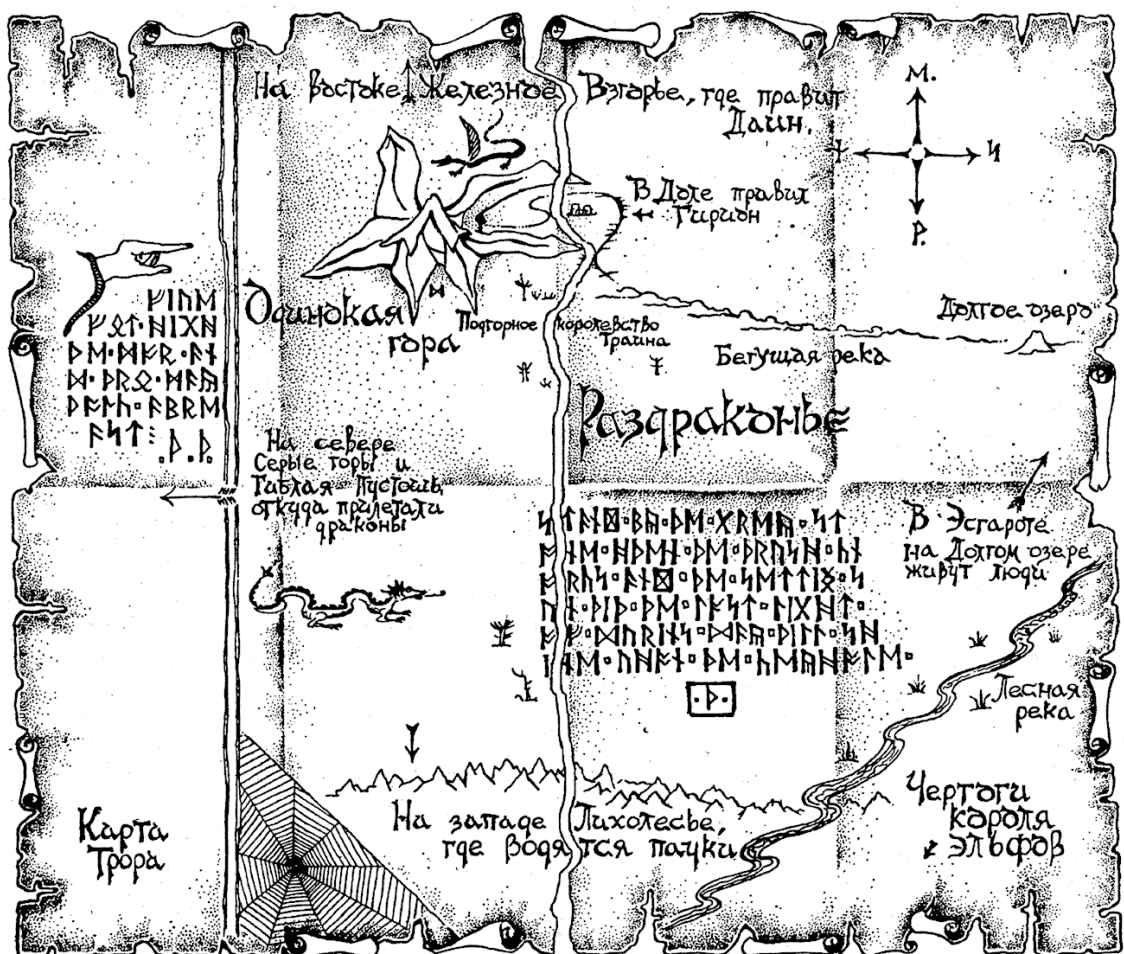
© The J.R.R. Tolkien, Copyright Trust, 1937, 1951, 1966, 1978, 1995, 1997

© Перевод. К. Королев, 1999

© Перевод стихов. В. Тихомиров, наследники, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Нежданное угощение

В земле была нора, а в норе жил хоббит. Нора была вовсе не грязная и совсем не сырая; не копошились в ней черви, не лепились по стенам слизняки, нет – в норе было сухо и тепло, пахло приятно, имелось там на что присесть и что покушать, – словом, нора принадлежала хоббиту, а стало быть, само собой, была уютной во всех отношениях.

Входная дверь в нору, круглая, точно люк, со сверкающей медной ручкой посредине, была выкрашена в зеленый цвет. Открывалась она в просторный и длинный коридор, похожий на пещеру, но чистый и ничуть не задымленный; в нем стояли стулья, пол устилали ковры, стены, обшитые деревянными панелями, оснащены были великим множеством крючков для плащей и шляп – этот хоббит просто обожал принимать гостей. Коридор, изгибаясь, проходил в глубине холма – или Кручи, как называли холм на много миль окрест. По обеим сторонам коридора в два ряда тянулись маленькие круглые дверцы, за которыми скрывались самые разные помещения, так что лазать вверх или спускаться вниз хоббиту не приходилось: спальни, ванны, погреб и кладовые (их было не перечесть), кухни, трапезные, гардеробные (в норе имелась особая комната, целиком отведенная под одежду) – все находилось рядом, в любую комнату можно было попасть из того же самого коридора. Лучшие покои располагались по левую руку, если стоять спиной ко входу, и только в них были окна, глубоко посаженные круглые оконца, выходившие в сад, за которым полого скатывались к реке луга.

Этот хоббит был весьма зажиточным, а фамилия его была Торбинс. Торбинсы обитали на Круче невесть с каких пор, и все их очень даже уважали – не только потому, что они славились своим богатством, но и потому, что в роду у них не было сумасбродов и ни с кем из Торбинсов никогда ничего не приключалось. И всякий мог заранее догадаться, что ответит какой-нибудь Торбинс на тот или иной вопрос. Однако наша история – о том, как один из Торбинсов засумасбродил и, сам не зная почему, начал говорить и делать вещи поистине невероятные. Пожалуй, после этого он потерял уважение соседей, зато приобрел... – впрочем, вы скоро узнаете, приобрел ли он хоть что-нибудь.

Матушкой нашего хоббита... Да, кстати, а кто такие хоббиты? Ведь сегодня хоббиты встречаются весьма редко и старательно избегают Громадин (такое прозвище они дали людям), поэтому не мешает, наверно, их описать, хотя бы в общих чертах. Это маленькие существа, ростом взрослому человеку по пояс. Но они – не гномы: хоббиты будут пониже, да и бород отродясь не имели. Волшебством они не занимаются, зато умеют в мгновение ока скрыться, если поблизости появятся Громадины, топочущие будто слоны. Хоббиты предрасположены к полноте, носят одежду ярких цветов, предпочитая в основном желтый и зеленый; ходят они босиком – башмаки им не нужны, ибо кожа у них на ступнях крепче сапожной подошвы, а стопы сверху покрыты густой рыжеватой шерсткой, согревающей в холода; пальцы у хоббитов длинные и чуткие, лица добродушные, и смеются они от души (в особенности поевши, а едят они часто и помногу). Ну вот, теперь вы знаете о хоббитах достаточно, и я могу продолжить.

Как я уже сказал, матушкой нашего хоббита, Бильбо Торбинса, была знаменитая Белладонна Тук, одна из трех дочерей хоббитана Тука, жившего в Приречье, за маленькой речушкой, что течет у подножия Кручи. Соседи поговаривали, что давным-давно один из предков Старого Тука женился на эльфийке. Это, конечно, полная нелепица, но все же в Туках имелось что-то такое, совсем не хоббитовское, и время от времени родичи Туков, а то и они сами, находили приключения на свою голову. Иногда кое-кто из них исчезал неизвестно куда, а оставшиеся, когда их принимались расспрашивать, упорно отмалчивались, притворяясь, будто они

ни о чем таком – ни сном ни духом... В общем, Туков, хоть они и были богаче, в Хоббитании уважали меньше, чем Торбинсов.

По счастью, Белладонна Тук вовремя вышла замуж за господина Банго Торбинса, и приключения обошли ее стороной. Банго, отец Бильбо, отрыл для жены (частью на деньги из ее приданого) такую роскошную нору, с которой не шли ни в какое сравнение все прочие, будь то на Круче, в Исторбинке или в Приречье. В этой норе они жили до конца дней своих. Может быть, Бильбо Торбинс, единственный отпрыск досточтимой Белладонны, на вид – точная копия своего добродушного и покладистого отца, унаследовал от матери эту самую Туковскую особенность, которая ждала лишь подходящего времени, чтобы проявиться во всей красе. Однако... Бильбо благополучно вырос, стал уважаемым хоббитом в расцвете сил (ему было уже под пятьдесят), а подходящее время все не наступало. И лишь когда стало казаться, что господин Торбинс так и просидит в своей норе до скончания дней, произошло знаменательное событие.

По некой случайности, как-то тихим утром – в те времена шума было меньше, зелени больше, а хоббиты множились и процветали, – Бильбо Торбинс, плотно подзакусив, стоял у двери своего обиталища, покуривая длинную деревянную трубку, почти упиравшуюся чубуком в его стопы, шерстка на которых была аккуратно расчесана. И тут он увидел Гэндальфа. О, этот Гэндальф! Когда бы вам довелось услышать о нем хотя бы четверть того, что слышал я (а я слышал лишь малую толику из того, что можно было услышать), вы бы сразу поняли – вас ждет поистине замечательная история. Повсюду, где ни побывал Гэндальф, повсюду о нем рассказывали самые невероятные небылицы. В Хоббитании же он не показывался с тех пор, как умер его друг Старый Тук, и нынешнее поколение хоббитов почти забыло, каков он из себя. Ведь Гэндальф покинул Кручу и удалился в неведомые края, за Приречье, еще в ту пору, когда они были сущими несмышленишками.

Ни о чем худом не помышлявший Бильбо добродушно наблюдал за странно одетым стариком. На Гэндальфе был длинный серый плащ с серебристым шарфом и высокая, остроколючая, слегка потрепанная голубая шляпа. Дополняли наряд огромные черные башмаки. В руке старик сжимал посох.

– Доброе утро, – поздоровался Бильбо. Ведь утро и вправду было добрее некуда – сияло солнце, на дворе зеленела травка.

Гэндальф пристально поглядел на хоббита, погладил свою длинную и пушистую седую бороду и сдвинул кустистые брови, выдававшиеся из-под широких полей шляпы.

– И что же это означает? – осведомился он. – Желает ли ты доброго утра мне или хочешь сказать, что оно было добрым до моего появления? Или намекаешь, что у тебя все в порядке и ты не прочь поболтать?

– И то, и другое, и третье, – отозвался Бильбо. – Присаживайтесь, господин хороший. В такое утро просто грех не выкурить трубочку на свежем воздухе. У меня отличный табачок. Угощайтесь. Спешить некуда, целый день впереди. – Бильбо уселся на лавочку, скрестил ноги и выпустил замечательное кольцо дыма. Ветерок подхватил его и повлек в сторону Приречья.

– Спасибо за приглашение, – сказал Гэндальф. – Но мне некогда заниматься пустяками. Я должен найти того, кто согласится отправиться со мной навстречу приключениям. К сожалению, покамест никто не соглашается.

– Нашли где искать, в наших-то краях! Тут народ тихий, мирный... Лично мне приключения совсем ни к чему, есть в них что-то такое тревожное, неудобное... Жаль, что вы опоздали к завтраку. Знал бы я, что вы придете, я бы вас попотчевал на славу.

Бильбо выпустил кольцо дыма больше предыдущего, засунул палец за подтяжки и принялся просматривать утреннюю почту, притворяясь, будто незнакомец его вовсе не интересует. Этот старик настораживал; господину Торбинсу больше всего хотелось, чтобы незваный гость

поскорее убрался восвояси. Но тот стоял себе, опершись на посох, и молча глядел на хоббита. Бильбо начал сердиться.

– Доброе утро! – сказал он. – Нам приключения ни к чему. Прогуляйтесь в Приречье, может, там кто согласится.

Уж, кажется, яснее некуда, – разговор окончен. Но упрямый старик никак не желал уходить.

– Что за прелесть твое «доброе утро», – промолвил он. – Теперь оно означает, что ты жаждешь от меня избавиться, и покуда этого не случится, утро не станет по-настоящему добрым.

– Вовсе нет, господин хороший, вовсе нет! Простите, я не уверен, что знаю ваше имя...

– Да неужели, господин хороший? А вот я твое имя знаю прекрасно, Бильбо Торбинс, да и мое тебе известно, хотя ты и не помнишь, что оно мое. Я – Гэндальф, а Гэндальф – это я! Подумать только, до чего я дожил – доброутренничаю у дверей с сынком Белладонны Тук! Ни дать ни взять бродячий торговец!

– Гэндальф? Погодите, погодите... Это не тот ли чародей Гэндальф, подаривший Старому Туку изумрудные запонки? Да не простые, а волшебные: застегнул – так все, уже не расцепишь, как ни бейся, пока нужного слова не молвишь. Тот самый Гэндальф, мастер устраивать огненные потехи? Как же, как же, я это помню! – Старый Тук обыкновенно зазывал Гэндальфа в Хоббитанию ближе к солнцевороту. И Гэндальф всякий раз откликнулся на его просьбу и тешил хоббитов фейерверками, от которых ночью становилось светло как днем. Это было замечательно! Шутихи в сумерках взлетали в небо и распускались там желтыми лилиями, рдяными маками, белоснежными цветками ракутника... – Вот чудеса! Вы – тот самый Гэндальф, из-за которого столько хоббитов бросило дом и отправилось невесть куда! Говорят, вы их зазвали в гости к эльфам – по деревьям ползать, на лодках поплавать... Знатно вы тогда всех перебаламутили небылицами своими складными. Драконы там да гоблины, принцессы спасенные, воины бесстрашные... Покорно благодарим, нам такого не надо. Прошу, конечно, прощения, но я и не думал, что вы еще живы.

– А что мне сделается? – усмехнулся маг. – Я рад, что ты вспомнил меня. Во всяком случае, мои фейерверки. Все лучше, чем ничего. Уважая память твоего деда Старого Тука и твоей матушки Белладонны, я дарю тебе то, о чем ты просил.

– Так ведь я, уж простите великодушно, ничего не просил.

– Разве? Ты уже дважды просил у меня прощения. Так вот, я тебе его и дарю. Скажу откровенно, я забрел в этакую даль только ради тебя. Пойдем со мной. Это приключение обещает быть занятным для меня и полезным для тебя – и весьма выгодным. Соглашайся, мой милый.

– Извините! Не надо мне никаких приключений, благодарствую! Только не сегодня! Доброе утро! Пожалуйста, приходите к чаю... Милости просим! Завтра. Да, приходите завтра. Всего хорошего. – С этими словами хоббит поспешно юркнул за круглую зеленую дверь. Правда, он тут же пожалел о своей поспешности. Невежливо все-таки. А с чародеями, сами понимаете, лучше пообходительнее: не ровен час, разгневаются.

– И зачем я пригласил его к чаю? – сокрушенно спросил сам себя господин Торбинс, направляясь в кладовку. Он позавтракал совсем недавно, однако чувствовал, что ему просто необходимо перекусить – так сказать, зажевать испуг.

А Гэндальф, отсмеявшись, подошел к двери и концом посоха начертал на ней странный знак. После чего повернулся и зашагал прочь. Между тем Бильбо, доедая второй пирог, малопомалу успокаивался и уже мысленно поздравлял себя с тем, как ловко избавился от страшного приключения.

К следующему утру хоббит – такой уж он был легкомысленный – почти позабыл о Гэндальфе. Обыкновенно все важные дела, которые нужно было сделать, он записывал на особую

дощечку. Если бы накануне его не перепугали до полусмерти, он, должно быть, записал бы что-нибудь вроде: «Гэндальф, чай, среда». А так – Бильбо настолько разволновался, что начисто забыл о своей полезной привычке.

Наступило время пить чай. Тут дверной колокольчик яростно затрезвонил, и Бильбо вспомнил! Он поставил котелок на огонь, достал вторую чашку с блюдцем, выложил на тарелку еще два пирога и побежал к двери.

«Прощу прощения, что заставил ждать», – вот что он собирался сказать Гэндальфу.

Но оказалось, что пришел вовсе не Гэндальф. С порога на Бильбо пристально глядел гном! В темно-зеленом плаще с капюшоном, с седой бородой, заправленной под золотой пояс. Едва дверь отворилась, гном ринулся вовнутрь, будто за ним гнались.

Кинув плащ на ближайший крючок, он низко поклонился и произнес:

– Двалин, к вашим услугам. – Глаза у него были необыкновенно ясные.

– Бильбо Торбинс, к вашим, – ответил хоббит, слишком изумленный, чтобы задавать какие-либо вопросы. Установилось молчание. Когда молчать дольше стало неудобно, Бильбо сказал: – Я как раз собирался пить чай. Пожалуйста, присоединяйтесь. – Пусть чай уже успел остыть, но радушие, как известно, прежде всего. И то сказать: как поступили бы вы, явись к вам в гости незванный гном и повесь он, ничего не объясняя, свой плащ в вашей прихожей?

За столом они просидели недолго. Оба только-только принялись за третий пирог, когда колокольчик зазвонил громче прежнего.

– Прощу прощения, – извинился хоббит и поспешил к двери.

«Наконец-то вы пришли», – собирался сказать он Гэндальфу. Но это опять был не Гэндальф. На пороге стоял умудренный годами почтенный гном с белой бородой и в алом плаще. Подобно первому, он без спроса ввалился в прихожую, едва дверь распахнулась.

– Вижу, потихоньку подтягиваются, – произнес он, заметив темно-зеленый плащ Двалина. Повесив на крючок свой, гном приложил руку к груди и представился: – Балин, к вашим услугам.

– Очень рад, – ответил Бильбо со вздохом. Разумеется, вздыхать было не очень-то вежливо, но его поразили слова Балина: «потихоньку подтягиваются». Хоббит любил гостей, но предпочитал приглашать к себе в дом добрых знакомых, а вовсе не подозрительных личностей с улицы. Внезапно хоббиту в голову пришла ужасная мысль: сейчас гномы съедят все пироги, и ему ничегошеньки не останется. Увы, никуда не денешься – хозяин должен потчевать гостей так, чтобы они ушли довольными... – Проходите, – выдал он. – Выпейте с нами чаю.

– Если вас не затруднит моя просьба, сударь, – откликнулся Балин, – мне бы лучше пива. Впрочем, против пирогов я ничего не имею. Особенно если они с тмином.

– Сколько угодно. – Бильбо сам изумился своему ответу. Он направился в погреб и до краев наполнил пивом пинтовую кружку, потом заглянул в кладовку и прихватил два чудесных пирога с тмином, которые собственноручно испек себе на вечер.

Балин и Двалин, сидя в зале, болтали как закадычные друзья (по правде сказать, они были братьями). Бильбо поставил на стол пиво и тарелку с пирогами, и тут колокольчик прозвонил дважды подряд.

«Теперь-то уж наверняка Гэндальф», – подумал Бильбо, подбегая к двери. Однако он вновь обманулся в своих ожиданиях. Едва дверь отворилась, в прихожую впрыгнули два гнома – оба в голубых плащах, подпоясанных серебряными кушаками. Бороды у них были цвета соломы, в руках они держали мешки с инструментами и лопаты. Бильбо решил ничему не удивляться.

– Чем могу быть полезен, добрые господа? – спросил он.

– Кили, к вашим услугам, – сказал один гном.

– И Фили, – прибавил второй. Оба сняли плащи и поклонились.

– Очень приятно. Бильбо Торбинс. – Хоббит наконец-то вспомнил о хороших манерах.

– Я вижу, Балин и Двалин уже здесь, – проговорил Кили. – Компания собирается.

«Компания? – мысленно повторил господин Торбинс. – Ох, что-то мне это совсем не нравится. Пожалуй, стоит посидеть в уголке, чего-нибудь выпить и поразмыслить».

Едва он приложился к кружке – четверо гномов тем временем, рассевшись вокруг стола, говорили о рудниках и о золоте, о схватках с гоблинами и о драконах, и о чем-то еще, совершенно непонятном простому хоббиту, о чем-то явно приключенистом, – колокольчик залился снова, да так звонко, будто его пытался оторвать какой-нибудь негодный хоббитенок.

– Похоже, сразу четверо, – заметил Фили. – Ну да, мы же видели их по дороге.

Бедный хоббит выбежал в прихожую и сел прямо на пол, обхватив голову руками. Да что же это такое? Неужели они все останутся на обед? Колокольчик затрезвонил снова, еще громче, и Бильбо пошел открывать. Гостей оказалось не четверо, а пятеро. Стоило лишь приоткрыть дверь, как все очутились внутри. Друг за другом они кланялись и произносили: «К вашим услугам». Новоприбывших гномов звали Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин. Вскоре два малиновых плаща, серый, коричневый и белый уже висели на крючках, а хозяева плащей направились в залу. И в самом деле компания. Кто заказал эль, кто – портер, кто – кофе, и все в один голос потребовали пирогов. Некоторое время хоббит был очень занят.

К очагу поставили большой кувшин с кофе; пироги с тмином кончились, и гномы принялись за лепешки с маслом. И тут раздался громкий стук. Кто-то грубо колотил палкой – бум-бум-бум! – по чудесной зеленой двери.

Бильбо разозлился и вместе с тем окончательно запутался – такого бестолкового дня у него еще не бывало. Он побежал открывать. Когда дверь распахнулась, в прихожую, устроив кучу малу, ввалились четверо гномов. А на пороге, опираясь на свой неизменный посох, стоял довольный Гэндальф. На двери красовалась глубокая вмятина, однако знак, начертанный магом накануне, чудесным образом исчез.

– Осторожнее, господин Торбинс, – укорил чародей. – Да полно, ты ли это, Бильбо? Сперва держишь друзей на пороге, а потом без предупреждения отпираешь... Позволь представить тебе Бифура, Бофура, Бомбура и, конечно, Торины.

– К вашим услугам, – хором произнесли Бифур, Бофур и Бомбур, став рядом.

Гномы повесили на свободные крючки два желтых плаща, светло-зеленый и небесно-голубой с длинной серебряной кисточкой. Последний плащ принадлежал Торины, очень важному гному, который был не кем иным, как великим Торином Дубовым Щитом собственной персоной. Торин явно гневался – должно быть, из-за того, что вошел в дом столь неподобающим образом, да еще оказался в самом низу, под Бифуром, Бофуром и толстяком Бомбуром. Поначалу он хранил мрачное молчание, но когда господин Торбинс в сотый раз извинился, Торин сменил гнев на милость, пробормотал: «Забудем об этом», – и перестал хмуриться.

– Все в сборе, – сказал Гэндальф, бросив взгляд на плащи на крючках. – Веселая подбрасывалась компания! Надеюсь, опоздавшие голодными не останутся? Что там у нас есть? Чай? Нет, благодарю. Мне, пожалуй, немного красного вина.

– И мне тоже, – поддержал Торин.

– А мне малиновый джем и яблочный пирог, – прибавил Бифур.

– А мне сладкий пирог с сыром, – заказал Бофур.

– А мне пирог со свиной и салат, – заявил Бомбур.

– А нам еще пирогов, эля и кофе! – закричали остальные гномы.

Бильбо поплелся в кладовку.

– Будь добр, прихвати еще пару яиц! – крикнул ему вслед Гэндальф. – И не забудь холодного цыпленка и солений всяких!

«Похоже, он знает содержимое моих кладовых не хуже меня самого!» – подумал окончательно сбитый с толку господин Торбинс. Неужели это и есть то приключение, о котором

говорил чародей? Собирая и ставя на подносы бутылки и блюда, стаканы и тарелки, столовые приборы и еду, хоббит запарился, его лицо побагровело от беготни. Наконец он рассердился.

– Что за противный народ эти гномы! – громко сказал он. – Нет чтобы помочь!

И тут дверь в кладовку распахнулась. На пороге появились Балин с Двалином, Фили и Кили. Не успел хоббит ахнуть, как они вырвали у него из рук подносы и помчались обратно в залу, прихватив по дороге два маленьких столика из прихожей – так, на всякий случай.

Гэндальф уселся во главе стола в окружении тринадцати гномов, а Бильбо примостился на табуретке у очага. Он грыз печенье (как ни странно, весь его аппетит куда-то исчез) и притворялся, довольно безуспешно, что происходящее ему не в диковинку, что он давно к такому привык. Гномы ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отвалились от стола. Бильбо встал, чтобы собрать тарелки.

– Полагаю, вы отужинаете со мной? – осведомился он самым вежливым тоном, на какой только был способен.

– Конечно, – отозвался Торин. – О деле можно потолковать и вечером, а сейчас неплохо бы музыку послушать... Ну-ка, раз-два!

Сам он остался сидеть за столом и продолжал о чем-то беседовать с Гэндальфом, а остальные гномы дружно вскочили. Соорудив из грязной посуды высокие колонны, каждая из которых была увенчана бутылкой, они устремились с ними на кухню, а бедный хоббит бегал вокруг, испуганно попискивая: «Пожалуйста, осторожнее! Не беспокойтесь, я сам!»

Потешаясь над ним, гномы запели:

Бей посуду! Бей стекло!
Бей тарелки и бутылки!
Бильбо Торбинсу назло
Гни ножи, уродуй вилки!
Мы весь дом – кверху дном,
Стол, скамейки, табуретки!
А потом каждый гном
Швырь ему в постель объедки!
По горшку да кочергой!
Где моя большая палка?
Палки нет – лупи ногой,
Ведь не наше, нам не жалко!
Бильбо Торбинсу назло...
Эй, полегче – тут стекло!

Конечно, ничего столь ужасного они не учинили; пока несчастный хоббит вертелся, как угорь, посреди кухни, пытаясь разглядеть, что же, собственно, происходит, вся посуда была вымыта и расставлена по полкам в целости и сохранности, и все это было сделано в мгновение ока. Потом все вернулись в залу и увидели, что Торин, положив ноги на каминную решетку, сидит с трубкой во рту. Он выпускал толстые кольца дыма, которые разбегались по комнате, какое куда – по желанию Ториана: ползли вверх по камину, забирались за часы на полке, прятались под стол или просто кружили под потолком; но передвигались они слишком медленно, чтобы ускользнуть от Гэндальфа. Пых! – чародей пыхнул своей коротенькой глиняной трубочкой, выпустил колечко дыма, и оно прошмыгнуло сквозь все Ториановы кольца. Затем позеленело, вернулось к магу и затрепетало над его головой. А так как он был уже весь в кольцах дыма, то вид имел какой-то нездешний, даже колдовской. Бильбо стоял и смотрел как зачарованный – ему тоже нравилось пускать кольца; и вдруг он покраснел, вспомнив, что еще вчера гордился своими жалкими колечками.

– Теперь музыка, – заявил Торин. – Несите инструменты.

Гномы побежали в прихожую. Кили и Фили порылись в своих мешках и достали маленькие скрипки; Дори, Нори и Ори извлекли из-под плащей флейты; Бомбур прикатил барабан; Бифур и Бофур вернулись с кларнетами, которые, видимо, оставили там же, в прихожей, вместе с дорожными посохами. Двалин и Балин произнесли хором: «Извините, я мигом». А Торин, повернувшись к ним, попросил: «Тогда принесите и мне». Они принесли две виолы, каждая размерами с гнома, и Торинову арфу, завернутую в зеленую ткань. Это была чудесная золотая арфа; едва Торин тронул ее струны, зазвучала музыка, неожиданно столь прекрасная, что Бильбо забыл обо всем на свете и будто очутился в диковинных землях под неведомым светиллом, далеко-далеко от Приречья и от своей драгоценной Торбы-на-Круче.

Снаружи уже наступили сумерки, а гномы все играли и играли, и на стене в такт музыке раскачивалась бородастая тень Гэндальфа.

Стало совсем темно, огонь в очаге погас, а гномы продолжали играть. И вдруг запели – один начал, вскоре к нему присоединились и остальные; так пели их предки в своих пещерах. Вот что пели гномы (если, конечно, стихи без музыки можно назвать песней):

Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, зачат, великий клад —
Сокровища лежат горой!
И деды наши, и отцы
Там колдовали, кузнецы,
И той порой под той Горой
Будто звенели бубенцы.
Каменья в рукоять меча
Вправляли, свет в них заключа, —
Эльфийский князь глядел, дивясь,
На меч, горящий, как свеча.
Годился звездный – для колец,
Огонь драконий – на венец,
А лунный свет – в любой предмет,
И в сети свет ловил мудрец.
Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, зачат, великий клад —
Сокровища лежат горой!
Там, в глубине, вдали от всех,
Звучали арфы, песни, смех —
Ни человек, ни эльфовек
Не ведали о песнях тех...
Взгудели сосны на ветру,
Взгудели ветры на юру,
Огонь был ал, и бор пылал,
Подобно жаркому костру.
Гудит над городом набат,
И горожане вверх глядят:
Летит дракон, порушит он
Дома и башни – все подряд.
Гора дымится, каждый гном

Шаги услышал, будто гром:
Пришел дракон – погубит он
Весь род и наш захватит дом!
Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад —
Сокровища лежат горой!

Пока гномы пели, хоббиту чудилось, будто в него исподволь вливается любовь к прекрасным вещам, рукотворным или сотворенным чародейством, яростная и ревнивая любовь, вечная мука гномьих сердец. И внезапно в нем пробудилась унаследованная от Туков тяга к странствиям, и он возжелал отправиться в путь вместе с гномами, захотел увидеть воочию Великие Горы, услышать шелест сосен и грохот водопадов, спуститься в пещеры, носить вместо дубинки меч... Бильбо посмотрел в окно. Над темным лесом сверкали звезды, напомнившие хоббиту самоцветные камни гномов. Вдруг в лесу взметнулось пламя – наверно, кто-то разжег костер, – и Бильбо подумалось, что это дракон, который летит сюда, чтобы спалить Кручу. Он вздрогнул и вновь стал самим собой – прежним господином Торбинсом из Торбына-Круче. (Должно быть, вы уже догадались, что Бильбо только притворялся обыкновенным хоббитом – и перед другими, и перед собой: на самом-то деле всякие небылицы, вроде тех, что приносил в Хоббитанию Гэндальф, были ему куда милее житейских забот да повседневных хлопот).

Он поднялся. Вообще-то радушному хозяину следовало принести лампу – а внутренний голос упорно советовал уйти из комнаты, якобы за лампой, и больше не возвращаться, пока гномы не уберутся восвояси. В конце концов, можно спрятаться в погребе за пивными бочонками... Неожиданно Бильбо осознал, что музыка стихла и что все гномы внимательно глядят на него, а их глаза светятся во мраке.

– Куда вы собрались? – спросил Торин таким тоном, словно разгадал намерения хоббита.

– Как насчет света? – просительно промолвил Бильбо.

– Нам нравится темнота! – загалдели гномы. – Темные дела надо делать в темноте. Самое время, покамест не рассветло.

– Как скажете. – Бильбо торопливо сел. Но поскольку сидел он наугад, то промахнулся и вместо стула уселся на каминную решетку. Раздался грохот, на пол упали кочерга и совок.

– Тсс! – прошипел Гэндальф. – Пусть говорит Торин.

И Торин начал:

– Гэндальф, гномы и господин Торбинс! Мы собрались в доме нашего хорошего друга и соратника, весьма выдающегося во всех отношениях и неустрашимого хоббита – да не выпадет никогда шерсть на его стопах! Да славятся его вино и эль! – Он перевел дух, видимо, ожидая от Бильбо слов благодарности, но эти сомнительные любезности совершенно лишили хоббита дара речи. Тщетно прождав некоторое время, Торин продолжил: – Мы встретились, дабы обсудить наши намерения и решить, каковы будут наши дальнейшие действия. Уже скоро, еще до наступления дня, нам предстоит отправиться в долгий путь. Весьма вероятно, из этого путешествия некоторые из нас могут вовсе не вернуться; некоторые – или даже все мы, кроме, разумеется, нашего старинного друга и советчика, искусного чародея Гэндальфа. Цель наша, полагаю, хорошо всем известна. Но для досточтимого господина Торбинса и для молодых гномов – скажем, для Фили и Кили, думаю, они на меня не обидятся – нужно, пожалуй, кое-что пояснить, хотя бы вкратце...

В этих словах был весь Торин. Если его не прерывали, он мог продолжать в том же духе до тех пор, пока хватало дыхания, умудряясь не сказать ровным счетом ничего нового. Но сейчас Торины грубо перебили. Бедняга Бильбо не выдержал. Фраза «можем не вернуться»

доконала хоббита. Внутри него зародился вопль, который очень скоро вырвался наружу – как вырывается гудок из трубы паровоза. Гномы дружно вскочили и забарабанили кулаками по столу. Гэндальф поднял посох, на конце которого вспыхнул голубой огонек, и все увидели, что хоббит стоит на коленях на коврике перед очагом и дрожит с головы до ног. Едва узрев огонек на конце посоха, Бильбо повалился навзничь с криком: «Молния! Молния!» Попытки привести хоббита в чувство оказались безуспешными. Тогда гномы отнесли господина Торбинса в гостиную, положили на диван и поставили рядом стакан с водой, а сами вернулись к своим темным делам.

– Разволновался, бедолага, – проговорил Гэндальф, когда все снова расселись за столом. – С ним такое случается, но он и вправду один из лучших. Свиреп, как разъяренный дракон.

Если вы когда-нибудь видели разъяренного дракона, то уже догадались, что маг слегка преувеличил. Если говорить прямо, такого сравнения не заслуживал и прапрадед Старого Тука, Быкобор, который отличался столь высоким для хоббита ростом, что мог без посторонней помощи взобраться даже на лошадь. В битве на Зеленых полях Быкобор в одиночку пробился сквозь ряды гоблинов с горы Грэм и снес дубинкой голову их предводителю Голфимбулу. Пролетев сотню ярдов по воздуху, голова Голфимбула упала наземь и закатилась в кроличью нору. Так была одержана победа и – изобретена игра в гольф.

Между тем пугливый потомок Быкобора понемногу оправился, попил водички и осторожно подобрался к двери в залу. Там говорили о нем.

– Ха! – произнес Глоин (тон гнома выражал крайнее презрение). – Ты думаешь, он справится? Вольно Гэндальфу рассуждать о его свирепости, но одного такого вопля будет достаточно, чтобы разбудить дракона и погубить всех нас. По-моему, вопил он от испуга, а вовсе не от радости. Когда бы не твоя метка на двери, Гэндальф, я бы решил, что мы ошиблись домом. Едва я увидел этого толстого чудилу, меня начали одолевать сомнения. Он больше похож на бакалейщика, чем на добытчика.

Тут господин Торбинс приоткрыл дверь и проскользнул в залу. Тяга к странствиям, унаследованная от Туков, взяла верх. Он понял вдруг, что прекрасно обойдется без мягкой постели и второго завтрака, если только его и впрямь будут считать свирепым, как дракон. А на «толстого чудилу» он обиделся и рассердился.

Потом Бильбо не раз жалел о своем решении и твердил себе: «Какой же ты глупец, мой милый! Ну зачем ты туда полез?» Но это было потом.

– Прошу прощения, – с достоинством сказал он. – Я нечаянно подслушал вашу беседу... Честно говоря, не понимаю, о чем вы толкуете, о каких таких добытчиках, но со мной у вас и вправду вышла промашка. Я вам докажу. Свою дверь я всего неделю как покрасил, нету на ней никаких меток, и вы явно попали не туда. Едва завидев ваши нездешние физиономии, я засомневался... Ну да ладно. Расскажите, что от меня требуется, и я попробую это сделать, пусть даже мне придется дойти до восточных пределов и сразиться с дикими червооборотнями в Крайней Пустыне. Мой прапрапрапрадед Быкобор...

– Давай оставим его в покое, – перебил Глоин. – Что толку ворошить минувшее? Я говорил про тебя. Что же до метки на двери, она была, смею тебя уверить. И знаешь, какая? Она означала: «Опытный добытчик ищет хорошую работу, с разумной степенью риска и солидным вознаграждением». Если тебя смущает словечко «добытчик», можно выразиться иначе – скажем, «охотник за сокровищами», что одно и то же. И вообще, мы пришли сюда по совету Гэндальфа, это он нам рассказал о тебе: мол, в среду некий добытчик устраивает чаепитие и готов потолковать насчет работы.

– Разумеется, метка была, – вмешался маг. – Я сам ее оставил, по одной простой причине. Вы просили подобрать четырнадцатого участника вашего похода, и я выбрал господина Торбинса. Пусть только кто-нибудь попробует сказать, что я выбрал не того! Тогда вас останется

тринадцать и никакой помощи от меня вы больше не дождетесь. Уж лучше сразу возвращайтесь в свои пещеры!

Он так сурово поглядел на Глоина, что тот вжался в стул, а когда Бильбо открыл было рот, маг повернулся к нему и грозно нахмурил брови. Хоббит столь поспешно захлопнул рот, что у него клацнули зубы.

– Вот и хорошо. Хватит споров. Господина Торбинса выбрал я, и вам придется этим удовлетвориться. Если я говорю, что он – добытчик, значит, так и есть, или будет, в скором времени. В господине Торбинсе скрыто гораздо больше, чем кажется, больше, чем догадывается он сам. Вполне возможно, вы доживете до того дня, когда станете благодарить меня. А теперь... Бильбо, малыш, принеси лампу. Нам понадобится свет.

Когда хоббит принес лампу с красным абажуром, маг расстелил на столе пергамент.

– Торин, эту карту рисовал твой дед Трор. Это план Горы.

– Какой нам от нее прок? – разочарованно пробурчал Торин. – Я и без того превосходно помню Гору и ее окрестности. И прекрасно знаю, где находится Лихолесье и где лежит Гиблая Пустошь, на которой рождаются драконы.

– Если мы доберемся до Горы, – прибавил Балин, – дракон найдется сам собой, безо всякой карты.

– Вы кое-что пропустили, – сказал Гэндальф. – В подземелье под Горой ведет тайный ход. Видите эту руну, с западной стороны? На нее еще указывает вытянутый палец. Так вот, она обозначает тайный ход, ведущий в Нижние Палаты. (Любезный читатель, взгляни на карту на следующей странице – ты найдешь на этой карте одиночную руну у самой Горы).

– Может, когда-то он и был тайным, – возразил Торин, – но проклятый Смог наверняка давным-давно разыскал его. Ведь он живет под Горой много лет.

– Может, и так, но этот проход не для него.

– Почему?

– Да потому, что дракон слишком велик! Руны гласят: «Дверь пяти футов высотой, и трое в ряд могут пройти в нее». Смог не сумел бы проникнуть в такую лазейку, даже когда был моложе, а ведь за последнее время он изрядно растолстел – в пище-то у него недостатка не было: подгорные гномы, люди из Дола...

– А по-моему, нора просто громадная, – пискнул Бильбо, бывавший только в хоббитовых норах. Ему стало настолько любопытно, что он совсем забыл о своем намерении держать рот на замке. Но простим его; в конце концов, он был всего лишь маленьким хоббитом, обожавшим всякие карты – в гостиной у него, к примеру, висела карта окрестностей Кручи, на которой красным цветом были обозначены излюбленные тропинки для прогулок. – Правда, я не понял, почему проход – тайный? Дверь на то и дверь, чтобы ее замечали издалека.

– Двери бывают разные, – отозвался Гэндальф. – Чтобы найти эту, нам придется потрудиться. Судя по карте, она в глаза вовсе не бросается и отыскать ее сможет лишь тот, кто знает, что она там есть. Насколько мне известно, у гномов принято таким вот образом прятать от посторонних глаз тайные двери. Я прав, Торин?

– Безусловно, – ответил тот.

– Кроме того, – продолжал Гэндальф, – я забыл упомянуть о ключе, который прилагается к карте. Такой маленький, но весьма любопытный ключик. Вот он. – Маг протянул Торину серебряный ключ с причудливой бородкой. – Храни его как зеницу ока.

– Разумеется. – Торин повесил ключ на цепочку и спрятал под куртку. – Пожалуй, у нас появилась надежда. Ты принес хорошие вести, чародей. Так далеко мы и не задумывали. Думали крадучись пробираться на восток до самого Долгого озера. А там – как повезет. Опасности подстерегают на каждом шагу...

– Можешь поверить, они начнутся за порогом этого дома, – вставил Гэндальф.

– Оттуда можно отправиться вверх по течению Бегущей, – Торин пропустил мимо ушей слова мага, – до развалин Дола, так назывался город, стоявший в древние времена в тени Горы. Но идти напрямик через Парадные Врата было бы сушим безумием. Из них, минуя громадный утес с южного склона Горы, вытекает река, и оттуда же теперь выбирается дракон. Если Смог не изменил своим привычкам – а с какой стати ему их менять? – то вылезает он из пещеры слишком уж, по-моему, часто.

– Соваться в Парадные Врата и вправду безумие, – поддержал Торина Гэндальф. – Тут не обойтись без отважного воина или даже без героя. Я пытался разыскать хотя бы одного, но воины заняты междоусобными распрями в дальних краях, а герои в окрестностях Хоббитании – птицы редкие. Острых клинков в здешних краях днем с огнем не сыщешь, топорами тут только деревья рубят, а на щитах детишек качают – или котлы ими накрывают. Драконы же здесь отродясь не водились, для хоббитов они – страшная сказка, невидаль да небыль. Словом, по всему выходило, что брать придется не удалю, а сметкой да хитростью. И тут мне очень кстати вспомнилась потайная дверь, и я догадался – нужен нам пролаз, да такой, чтоб в любую щель протиснулся! И вот вам господин Бильбо Торбинс, замечательный лазейник и добытчик по призванию. Так что довольно пустых разговоров, займемся лучше делом.

– Быть может, послушаем добытчика по призванию? – Торин отвесил Бильбо церемонный и одновременно издевательский поклон.

– Я сперва хотел бы узнать побольше, – пробормотал тот. Мысли его путались, однако жажда странствий по-прежнему звала в путь. – Ну, насчет дракона и насчет всего остального – как он там оказался, о каком кладе речь, и вообще...

– Что «вообще»? – передразнил Торин. – Карта перед вами, смотрите, господин добытчик. Разве вы не слышали наших песен? Разве мы не толкуем обо всем этом уже битый час?

– Все равно, мне хотелось бы знать побольше. – Бильбо напустил на себя деловой вид (какой обычно приберегал для тех соседей, которые пытались занять у него денег), прилагая все усилия, чтобы произвести впечатление умудренного житейским опытом знатока своего дела, в полном соответствии с похвалами Гэндальфа. – А еще я хотел бы уточнить, велик ли риск, сколько нам потребуется времени и денег и каким будет мое вознаграждение. – «Иными словами, – прибавил он мысленно, – какой мне от всего этого будет прок и вернусь ли я домой живым?»

– Извольте, – буркнул Торин. – Давным-давно, при моем деде Троре, гномов изгнали с дальнего севера, и они со всем своим скарбом перебрались под эту самую Гору, нарисованную на карте. Точнее сказать, вернулись домой – ведь гномы обитали под Горой с незапамятных времен, еще при Траине Старом, моем далеком предке. Они принялись копать и строить, расширили прежние пещеры, прорубили под Горой новые ходы – и наткнулись, должно быть, на золотые жилы и россыпи самоцветов. Во всяком случае, они быстро разбогатели и день ото дня становились все богаче, и так возродилось Подгорное королевство. Моего деда, Горного короля, чтили не только гномы, но и люди, пришедшие с юга и осевшие на берегах Бегущей. Это они возвели в тени Горы веселый город Дол, и жилища их подступали к самой Горе. Правители Дола охотно посылали за нашими кузнецами и щедро вознаграждали даже тех, кто был не слишком искусен в кузнечном ремесле. Отцы отдавали нам в ученики своих сыновей и тоже не скупились на дары; а расплачивались они обыкновенно разной снедью, которую мы благодарно принимали – нам-то недосуг было хлеб растить да на охоту ходить. Мы трудились не покладая рук, ковали доспехи, опраивали самоцветы, песни наши были веселы, и работа спорилась. Какие чудеса мы ковали, куда до них нынешним поделкам! Золотые были деньки! Деньжата не переводились, съестного вдоволь, знай себе стучи по наковальне. В подземных чертогах моего деда копились клинки и щиты, кубки и сверкающие камни, а на Дольское Торжище народ стекался отовсюду – кто поглазеть, а кто и прикупить кольчужку или ожерелье.

Сомнений нет, дракона привлекла молва о наших богатствах. Ведь драконы – большие охотники до чужих сокровищ, им бы каждый день кого-нибудь грабить, эльфов, людей, гномов – все одно. И ведь тащат без разбору, что под лапу подвернется, и доспех изукрашенный, и кувшины медные, лишь бы захватить. А сами ничего толком не умеют – ни даже прореху крохотную в собственной чешуе залатать; правда, цену добыче ведают. Поживу они сгребают в кучу, залегают на ней и стерегут ее до конца своих дней. Век же драконий, знаете ли, еще как долог: коли дракона прежде не убьют, он всех переживет... Так вот, в те времена драконов на Севере водилось в изобилии. Они нападали на гномов, несли смерть и запустение, и гномы, бросая нажитое, бежали на юг, а золотом и самоцветами завладевали драконы. Самого злобного среди них, самого коварного и жадного звали Смогом. В горестный для гномов день он поднялся в воздух и полетел на юг, к Одинокой горе. Мы услышали его издали – грохот стоял такой, точно разбушевалась буря, а сосны на склонах Горы гнулись под ветром от драконьих крылий. Те гномы, которым повезло оказаться снаружи (среди них был и я, совсем тогда еще юный, любопытство погнало меня наверх, и оно же меня и спасло), – мы видели, как дракон опустился на Гору и выдохнул пламя. Лес на склонах запылал. В Доле ударил набат, люди спешно вооружались. Гномы бросились наружу, но у ворот их поджидал дракон... Не уцелел никто. Вода в реке испарилась, на Дол пал туман, и дракон в тумане налетел на город и истребил почти всех его защитников. Обычная история, каких в те дни случалось немало... Потом он вернулся к Горе, заполз внутрь через Парадные Врата и обшарил все залы до единой, все пещеры, туннели, погреба и проходы. Когда же под Горой не осталось ни одного живого гнома, Сmog присвоил себе все наши сокровища. Должно быть, как водится у драконов, свалил поживу в самой дальней пещере в громадную кучу и залег на ней, как на кровати. А после занял обыкновение по ночам летать в Дол и похищать людей, в особенности красивых девушек. В конце концов жители покинули город, и теперь Дол лежит в развалинах. С тех пор вряд ли кто осмелился поселиться в Раздраконье, между Горой и Долгим Озером.

Мы, кучка уцелевших, плакали, не стыдясь слез, и проклинали Смога, как вдруг к нам вышли мои отец с дедом, оба с опаленными бородами. Суровые и подавленные, они хранили молчание. Когда я спросил, как им удалось спастись, мне велели придержать язык: мол, в свой срок все узнаешь. Мы двинулись прочь и долго бродили из края в край, перебиваясь с хлеба на воду. И деревенскими кузнецами мы были, и углежогами... Но ни на миг мы не забывали о наших сокровищах, оставшихся под Горой. И даже теперь, когда у нас кое-что отложено про черный день, – Торин тронул золотую цепь у себя на шее, – мы по-прежнему мечтаем отомстить Смогу, если, конечно, сумеем.

Я часто гадал, как выбрались из подземелья мои отец и дед. Верно, они выскользнули через тот самый тайный ход, о котором, кроме них, никто не знал. Карту они нарисовали позже. К слову, хотел бы я знать, каким образом эта карта оказалась у Гэндальфа, а не у законного наследника Трора и Траина?

– Мне ее дали, – откликнулся маг. – Как ты помнишь, твой дед Трор пал в пещерах Мории от руки гоблина Азога...

– Да будет проклято его имя во веки веков! – воскликнул Торин.

– А твой отец Траин двадцать первого апреля, то есть на прошлой неделе, только сто лет назад, ушел из дома, и с тех пор ты его больше не видел...

– Да, – угрюмо подтвердил Торин.

– Так вот, не кто иной, как твой отец, отдал эту карту мне, наказав передать ее тебе. Если учесть, сколько я тебя разыскивал, меня вряд ли можно упрекнуть в том, что я не сразу выполнил его наказ. Когда я видел твоего отца в последний раз, он не мог вспомнить ни собственного имени, ни тем паче имени сына. Между прочим, ты мог бы и спасибо сказать – за то, что я тебя все-таки нашел.

– Ничего не понимаю, – проговорил Торин. Бильбо тоже ничего не понимал. Объяснение Гэндальфа еще сильнее все запутало.

– Твой дед, – сурово произнес маг, – отдал карту своему сыну перед тем, как уйти в Морию. После смерти Трора твой отец тоже отправился попытать удачу. Он преодолел множество преград, но к Горе так и не приблизился. Я нашел его в узилище Некроманта.

Гномы вздрогнули.

– А ты-то как туда попал? – выдавил Торин.

– Неважно. У меня были свои дела. Омерзительное, доложу вам, местечко. Даже я, Гэндальф Серый, едва сумел ускользнуть. Я пытался спасти твоего отца, но у меня ничего не вышло. Он обезумел от страданий и пыток и забыл обо всем, кроме карты и ключа. Вот его последняя воля: он хотел, чтобы сын получил карту и воспользовался ключом.

– Мы давно посчитались с гоблинами Мории, – промолвил Торин. – Можно подумать и о Некроманте.

– Глупец! С ним не справиться всем на свете гномам вместе взятым! С тебя вполне достаточно дракона.

– Слушайте, слушайте! – неожиданно для себя самого сказал Бильбо. Все повернулись к нему. Он смутился и пробормотал: – Ну, у меня мелькнула одна мысль...

– Какая?

– По-моему, вам не следует лезть напролом. Ведь драконы спят, как и все прочие, верно? Нужно просто посидеть на пороге, пораскинуть мозгами; рано или поздно, осмелюсь сказать, вы что-нибудь да придумаете. И еще... Мне кажется, хватит на сегодня разговоров, а? Не пора ли расходиться? Завтра рано вставать, и все такое... Обещаю накормить вас вкусным завтраком, прежде чем вы уйдете.

– Прежде чем мы уйдем, – поправил Торин. – Разве вы не идете с нами? Разве вы не добытчик? А насчет того, что поздно, и насчет завтрака – я согласен. Мне, пожалуйста, окорок с шестью запеченными в углях яйцами. И постарайтесь их не разбить.

Вслед за Торином и остальные гномы заказали себе на утро ничуть не менее сытное угощение, отчего Бильбо вновь приуныл. Потом ему пришлось подыскивать каждому помещение и стелить постель. Наконец, усталый и обуреваемый мрачными мыслями, он забрался в свою кровать.

«Нет, – подумалось ему, – не буду я вскакивать спозаранку. Пускай сами готовят себе завтрак». Жажда странствий улеглась, словно ее и не было, и желание повидать мир бесследно пропало.

Засыпая, Бильбо слышал через стенку, как Торин, которому отвели лучшую спальню, бормочет:

Пора в поход нам! Пора домой!
Там, за горами, там, под Горой,
Лежит, заклят, великий клад —
Сокровища лежат горой!

Под это бормотание хоббит и заснул, и снилось ему что-то совсем безрадостное. Пробудился он уже в разгар утра.

Глава 2

Жаркое из баранины

Бильбо вскочил, торопливо оделся и со всех ног кинулся в залу. На столе громоздились остатки торопливого, но сытного завтрака, а гномов – ни следа, и спасибо даже не сказали (ну да ладно, зато ушли и будить не стали). В зале царил ужасающий беспорядок, на кухне возвышалась груда немытой посуды. Впечатление было такое, будто гномы попользовались едва ли не всеми тарелками и котелками, какие имелись у хоббита. Немытая посуда окончательно уверила господина Торбинса в том, что вчерашнее – вовсе не страшный сон (а он все-таки надеялся, что вечеринка ему просто-напросто приснилась). Как ни странно, хоббиту стало грустно.

– Не дури, Бильбо Торбинс, – сказал он самому себе. – В твоём возрасте уже поздно мечтать о драконах и прочей нездешней нечисти. – Хоббит надел фартук, развел огонь, вскипятил воду и перемыл всю посуду, после чего слегка подкрепился.

В окна светило солнце, в распахнутую настежь парадную дверь задувал тёплый весенний ветерок. Бильбо начал насвистывать, забывая потихоньку о неприятностях вчерашнего вечера. Но едва он успел присесть у окна, чтобы приступить ко второму завтраку, как появился Гэндальф.

– Мой милый! – воскликнул маг. – Ты все ещё здесь? А кто собирался выйти спозаранок? Подумать только, завтракать в половине одиннадцатого! Конечно, гномам недосуг было столько ждать, и они ушли, а тебе оставили послание.

– Какое такое послание? – озадаченно спросил господин Торбинс.

– Ну и ну, – проговорил Гэндальф. – Да что с тобой сегодня? Даже пыль с каминной полки не вытер.

– Ещё не хватало! Я и так все утро мыл посуду.

– А если бы ты стер с полки пыль, то нашёл бы вот это. – Гэндальф вручил Бильбо листок бумаги – разумеется, бумага была из хоббитовых запасов.

Послание гласило:

«Торин и компания приветствуют Бильбо Добытчика! Мы искренне благодарим Вас за проявленное гостеприимство и с радостью принимаем Ваше предложение помочь нам в нашем трудном деле. Условия: Вам причитается одна четырнадцатая от общей добычи, буде таковая появится; дорожные расходы покрываются в любом случае; похороны за наш счёт. Все остальное следует оговаривать отдельно.

Не желая прерывать Ваш отдых, мы отправляемся в путь с тем, чтобы произвести необходимые приготовления, и будем ожидать уважаемого господина Торбинса в приреченском трактире «Зелёный дракон» ровно в одиннадцать утра. Рассчитываем на Вашу пунктуальность.

*Засим остаемся
искренне Ваши
Торин и Ко»*

– У тебя осталось десять минут, – сказал Гэндальф. – Если бегом, то успеешь.

– Но... – заикнулся было хоббит.

– Некогда! – перебил маг.

– Но... – снова начал Бильбо.

– Тем более некогда! Пшел!

До конца своих дней Бильбо так и не понял, каким образом очутился на улице – без денег, без шляпы, без дорожного посоха и вообще без всего, что он обычно брал с собой в дорогу. Оставив на столе несъеденным второй завтрак и немытую посуду, он сунул Гэндальфу ключи и понесся вниз по склону со всей скоростью, на которую только были способны его мохнатые ноги. Проскочил мимо огромной мельницы, перебрался через реку и припустил по тракту.

В Приречье хоббит ворвался с первым ударом часов, которые начали отбивать одиннадцать. Бильбо совсем запыхался; вдобавок выяснилось, что он забыл дома носовой платок.

– Bravo! – крикнул Балин, стоявший у двери трактира.

В этот миг из-за поворота показались остальные гномы. Они ехали на пони, у каждого к седлу были приторочены разнообразные выюки и сумки. Самый маленький пони предназначался для Бильбо.

– По коням! – приказал Торин. – Пора трогаться.

– Прошу прощения, – проговорил Бильбо, – но я оставил дома шляпу и носовой платок, и денег тоже не взял. Ваша записка попалась мне на глаза, если быть точным, в десять сорок пять.

– Всегда быть точным утомительно, – утешил его Двалин. – Что касается носового платка, то, уверяю тебя, в скором времени ты научишься прекрасно обходиться без него. Между прочим, у меня найдется запасной плащ с капюшоном, так что насчет шляпы можешь не переживать.

Вот так все и началось, в одно великолепное утро, в самом конце апреля. Пони потрусили прочь от трактира. Бильбо вертелся в седле, привыкая к темно-зеленому плащу, одолженному Двалином. Побитый ветром и непогодой, плащ был ему немножко великоват, и хоббит в нем выглядел довольно нелепо. Даже представить страшно, что подумал бы о своем сыне славный Банго Торбинс. Хоббита радовало лишь то, что его никак нельзя спутать с гномами – ведь у него нет бороды.

Вскоре появился Гэндальф, верхом на белой лошади. Он привез множество носовых платков, трубку Бильбо и табак. Компания весело поскакала вперед. Весь день напролет они рассказывали истории и распевали песни – прерываясь только для того, чтобы устроить привал и подзакусить. На взгляд Бильбо, останавливаться можно было бы и почаще, но все равно – мало-помалу ему стало казаться, что в приключениях есть своя прелесть.

Сперва миновали Хоббитанию – чудесный ухоженный край с широкими дорогами и природными трактами; навстречу частенько попадались то гномы, то спешившие по своим делам почтенные хоббиты. Потом очутились в местах, где говорили на диковинном наречии и пели песни, которых Бильбо прежде не слыхал. Начались Пустынные края – ни тебе поселений, ни постоянных дворов, а дороги становятся все хуже и хуже. Вдалеке показались горы, страшные горы, вздымавшиеся до самого неба. На лесистых склонах виднелись древние крепости, такие мрачные, будто их возвели когда-то темные силы. Погода потихоньку стала портиться. Еще с утра вовсю светило весеннее солнышко, а к обеду стало холодно и промозгло. Привал делать не стали – слишком уж было сыро.

– Кто сказал, что июнь на носу? – ворчал Бильбо себе под нос. Его пони ступал последним. Моросил надоедливый дождик, с капюшона капало на лицо, плащ промок; уставший пони то и дело спотыкался, и гномы были слишком сварливы, чтобы вести с ними беседу... Вдобавок подошло время полдника. «И куда меня понесло? – думал хоббит. – Сидел бы в тепле и уюте, попивал бы чаек. Так нет, на подвиги потянуло! Какие уж тут подвиги, когда кругом мокрота сплошная...» Не в последний раз он пожалел о собственной опрометчивости.

Гномы не оборачивались и вообще не обращали на Бильбо ни малейшего внимания. Солнце за тучами, должно быть, клонилось к закату, потому что стало смеркаться. Путники спустились в глубокую ложину, по дну которой бежал поток. Ивы по берегам шелестели листвою и гнулись под порывами ветра. К счастью, цел оказался древний каменный мост; вброд перейти вздувшуюся от дождей реку было бы невозможно.

Ближе к ночи ветер разогнал тучи, и на небе показалась луна. Торин дал знак остановиться, пробормотал что-то насчет ужина и прибавил:

– Где бы нам найти местечко посуше?

И вдруг все осознали, что Гэндальф исчез. Маг долго ехал с ними, много болтал и смеялся, много ел, и вот – нет его: то ли отправился куда-то по своим делам, то ли просто решил, что проводил компанию достаточно далеко.

– А чародей бы сейчас ох как пригодился! – хором воскликнули Дори и Нори (они вполне разделяли взгляды Бильбо на жизнь в тепле и уюте).

В конце концов лагерь разбили прямо в ложине, под деревьями – там было немного суше. С веток непрерывно капало, и это сильно раздражало. С костром пришлось повозиться. Как известно, гномы способны развести огонь везде и всюду, дует ветер или нет, но этой ночью у них ничего не выходило, как они ни старались, – даже у Оина с Глоином, которые имели особый, «зажигательный» талант.

Один из пони чего-то испугался и кинулся прочь. Прежде чем его успели поймать, он угодил в реку; вода тут же унесла всю поклажу, а Фили и Кили, вытаскивая бедное животное, чуть не утонули. К великому огорчению хоббита, река уволокла основной запас провизии, поэтому ужин был скудным, а завтрак казался несбыточной мечтой. Мокрые и угрюмые, они сидели и ждали, пока Оин с Глоином разведут костер и перестанут ссориться. Бильбо потихоньку начал понимать, что приключение – это не прогулка на пони солнечным весенним днем.

– Свет! – крикнул Балин, которого назначили дозорным. Он указал на лесистый холм. Там и вправду светился крохотный огонек – то ли костер, то ли факел.

Путники заспорили, стоит ли идти на свет. Одни говорили «да», другие – «нет». Кто утверждал, что нужно хотя бы пойти и взглянуть: мол, наверняка там найдется еда, и посушиться у костра тоже не помешало бы. Кто возражал: дескать, эти места не слишком хорошо известны, и до гор рукой подать. Старые карты не помогут, ведь все меняется, и меняется к худшему, и за дорогами уже не приглядывают, и вообще, случайная встреча в здешних краях вполне может обернуться неприятностями. Поэтому не суй нос куда попало – а то оторвут.

– Но ведь нас четырнадцать!

– И что с того? Без Гэндальфа мы немного стоим.

– А куда девался Гэндальф?

Этот вопрос задавали наперебой. Между тем дождь припустил сильнее прежнего, а Оин с Глоином начали тузить друг дружку.

И тут гномы вспомнили – ведь с ними идет лазейник и добытчик по призванию. Это все решило. Крадучись, они повели пони на свет. У подножия холма их встретил лес. Стали подниматься по склону, наугад, потому что тропы, которая могла бы вывести на вершину, нигде не было видно. Гномы спотыкались в темноте, ломали ветки, которые громко хрустели, и, конечно, ворчали и бранились.

Внезапно за деревьями вновь замерцало пламя.

– Теперь твоя очередь, – сказали гномы хором, все как один поворачиваясь к Бильбо.

– Разузнайте, что там такое, – велел Торин, – и возвращайтесь поскорее. Постарайтесь не угодить в ловушку. Если все же попадетесь, крикните два раза по-совиному, а один раз как филин, и мы поспешим на выручку.

Бильбо хотел объяснить, что не умеет кричать по-совиному, что с тем же успехом он мог бы попробовать взлететь, но – не успел: ему сурово приказали пошевеливаться.

По лесу хоббиты передвигаются тихо, почти неслышно. Они гордятся этим своим умением; вот почему Бильбо всю дорогу пофыркивал над гномами, которые, на его взгляд, топтали, как Громадины. Впрочем, ни вы, ни я, скорее всего, ничего не услышали бы, даже если в нескольких ярдах от нас проскакала бы целая кавалькада гномов. А уж Бильбо, двинувшегося

напрямик к красноватому огоньку за деревьями, не учуяла бы и ласка. Короче говоря, он без помех добрался до поляны, на которой горел костер, и вот что там увидел.

У огромного костерища сидели три огромных существа. Нанизав на длинные прутья баранину, они жарили ее, то и дело облизывая жирные пальцы. Пахло очень вкусно. Все трое бесперечь прикладывались к кувшинам, которые они наполняли из стоявшего поодаль пузатого бочонка. Это были тролли, самые настоящие тролли; Бильбо узнал их сразу, хотя никогда раньше не видел, – по росту, по вывернутым ступням и тупым мордам. Изъяснялись тролли так, что их не пустили бы ни в один приличный дом.

– Разрази меня гром! Опять баранина! Третий день ее жрем, сколько можно?

– Да, давненько я не пробовал человеческого мяса! О чем только думал этот олух Уильям, когда тащил нас сюда? Чтоб мне пусто было! – а кувшин и так уже пуст... – Тролль подтолкнул под локоть своего товарища, присосавшегося к своему кувшину.

Тот поперхнулся.

– Заткнись! – гаркнул он, откашлявшись. – Вы что, болваны, думали, стоит вам разинуть пасти, как местные сами в них полезут? Ты, Том, и так уже сожрал полторы деревни. Да и Берт тоже не промах. Чего вам еще надо? Поди прокорми вас, прорвы ненасытные! Нет чтобы спасибо сказать. – Уильям проглотил большой кусок мяса и вытер губы рукавом.

Боюсь, все тролли – даже те, у которых всего одна голова, – ведут себя именно так. Послушав их разговор, Бильбо понял, что надо немедленно что-то предпринимать. Но вот что? То ли потихоньку ускользнуть и предупредить товарищей, что у костра сидят три здоровенных и изрядно проголодавшихся тролля, готовых при случае слопать гнома и закусить пони; то ли попытаться что-нибудь стащить... Настоящий добытчик, разумеется, не сомневался бы ни мгновения: он обчистил бы карманы троллей (там всегда найдется, чем поживиться), баранину умыкнул бы, бочонок с пивом прихватил бы – и поминай как звали. Чтобы обезопасить себя, можно бы проткнуть всех троих кинжалом и дальше – гуляй не хочу...

Но Бильбо не был настоящим добытчиком и ни разу до сих пор не встречал живого тролля – только читал о них в книжках. Ему было страшно; больше всего Бильбо хотелось очутиться за сотни миль отсюда, но не возвращаться же к Торину и компании с пустыми руками! Хоббит не понимал, откуда взялась эта мысль, однако она не отпускала его и понуждала что-нибудь да предпринять. В конце концов он решил, что самое простое – обшарить карманы троллей, осторожно подобрался поближе и спрятался за деревом прямо за спиной Уильяма. Берт и Том встали и направились к бочонку. Уильям по-прежнему не отрывался от своего кувшина. Бильбо набрался храбрости и сунул свою крохотную ладошку в карман тролля. Там оказался кошель размерами с хоббитову сумку. «Хо! – с восторгом подумал Бильбо, вытаскивая кошель. – Вот так начало!»

Да... С кошельками троллей ухо нужно держать остро. Не успел хоббит вытащить кошелек, как тот вдруг завопил дурным голосом:

– Эй, ты кто?

Уильям обернулся и схватил замешкавшегося Бильбо.

– Чтоб мне провалиться! Берт, гляди, кого я поймал! – гаркнул тролль.

– Кто это?

– Да чтоб я лопнул, коли знаю. Ты кто, а?

– Бильбо Торбинс... До-ооб... хоббит, – выдавил бедный господин Торбинс, дрожа как осиновый лист. Интересно, подумалось ему вдруг, успеет ли он ухнуть по-совиному, прежде чем его задушат?

– Добхоббит? – озадаченно переспросил тролль. Надо сказать, что тролли туговато сообщают и весьма подозрительно относятся ко всему новому. – А зачем ты полез в мой карман, добхоббит? – продолжал расспрашивать Уильям.

Двое других между тем с любопытством поглядывали на Бильбо.

– А жарить его можно? – справился Том.

– Попробуем, – отозвался Берт, подбирая с земли прут.

– Маловат больно, – благодушно заметил Уильям, успевший набить живот. – Шкуру содрать, кости выкинуть – и что останется?

– А может, он не один? Тогда бы пирог испекли, – сказал Берт. – Слушай, кролик недоделанный, в тутошних лесах есть еще пискли вроде тебя? – Он взял хоббита за ноги и потряс.

– Много, – ляпнул Бильбо, не подумав, но тут же спохватился: – Нет, больше никого.

– Чего-чего? – Берт схватил хоббита за волосы и больно дернул.

– Что слышали, – пискляво огрызнулся Бильбо. – Пожалуйста, господа хорошие, не жарьте меня. Я вам пригожусь, я умею готовить. Если хотите, приготовлю вам такой завтрак, что вы пальчики оближете. Только не ужинайте мной!

– Бедняга, – проговорил Уильям, сытно рыгнув. – Напугали малыша. Отпусти его, Берт.

– И не подумай! Пускай сначала растолкует, как это – много и никого нет? Я не желаю, чтобы мне перерезали глотку во сне. Вот суну его пятками в огонь – живо заговорит.

– Я тебе суну! – возмутился Уильям. – Это мой добхоббит, я его поймал.

– Уильям, ты толстый старый дурак! – бросил Берт. – Я тебе это уже говорил и повторяю снова.

– А ты дубина!

– А вот этого, Билл Хиггинс, я тебе не спущу, – сказал Берт и ткнул кулаком Уильяму в глаз.

Началась восхитительная драка. Берт отшвырнул хоббита в сторону; у Бильбо хватило сообразительности отползти подальше от дерущихся. Тролли сцепились, как два бродячих пса, громко обзывая друг дружку самыми разными именами, которые, надо признать, весьма подходили к ним обоим. Вскоре они уже катались по земле, дубася один другого в опасной близости от костра, а Том колотил приятелей палкой, дабы привести их в чувство (они же от ударов, естественно, зверели пуще прежнего). Надо было уносить ноги. Но хоббит просто не мог подняться: Берт его чуть не задушил, голова шла кругом. Поэтому Бильбо всего-навсего отполз в темноту и свернулся калачиком на земле.

В самый разгар потасовки явился Балин. Гномов насторожил шум; подождав некоторое время и убедившись, что Бильбо не возвращается и совиных криков не слышно, они решили идти за хоббитом. Углядев Балина, Том взвыл: тролли терпеть не могут живых гномов (зато жареных уплетают за обе щеки). Берт с Уильямом немедленно кончили драться.

– Мешок, Том! Да шевелись ты! – завопили они.

Прежде чем Балин, высматривавший на поляне Бильбо, догадался, что, собственно, происходит, ему на голову накинута мешок и повалили наземь.

– Думаю, не последний, – пробурчал Том. – А то ишь! Добхоббит, говорит. Больше никого, говорит. Да никакие они не добхоббиты, а самые настоящие гномы.

– Ты прав, – согласился Берт. – Давайте-ка спрячемся.

Так они и сделали, прихватив с собой дюжину пустых мешков. Стоило появиться на поляне очередному гному, который застывал как вкопанный, в изумлении глядя на костер, кувшины с пивом и недоеденную баранью тушу, – стоило только ему появиться, как на голову опускался гадко пахнущий мешок, и гном падал. Вскоре у костра в рядок лежали Оин, Глоин, Бифур, Бофур и Бомбур, а Двалина, Кили и Фили пристроили рядом с Балином.

– Передохните малость, – посоветовал Том гномам. Бифур, Бофур и Бомбур доставили троллям много хлопот: сопротивлялись они отчаянно, как могут сопротивляться лишь гномы, которых застали врасплох.

Торин появился последним, но его провести не удалось. Он был настороже и сразу понял, что стряслась беда. Встав поодаль от костра, так, чтобы его не было видно, он воскликнул громовым голосом:

– Кто смеет обижать моих подданных?

– Это тролли, – пискнул Бильбо, о котором в суматохе совсем забыли. – Они прячутся за деревьями.

– Да ну? – Торин прыгнул к костру, выхватил из пламени огромный сук и ткнул им не успевшего отскочить Берта прямо в глаз. Берт взвыл и на какое-то время утратил способность сражаться. Бильбо решил помочь Торину и вцепился в лапу Тома, толстенную, как ствол дерева. Том дернул лапой, и хоббит отлетел в кусты, а тролль кинул в лицо Торину пригоршню углей.

За это он получил суком по зубам и лишился одного клыка. Слышали бы вы, как он взвыл! Но тут со спины к Торину подкрался Уильям и набросил на гнома мешок. Битва завершилась. Три разгневанных тролля (двое – с обожженными шкурами) заспорили – поджарить ли добычу, сварить или просто расплющить в лепешку. А Бильбо, весь исцарапанный, лежал в кустах, не смея шевельнуться от страха.

Именно тогда возвратился Гэндальф. Его никто не заметил. Тролли между тем договорились подкоптить гномов, чтобы было чем позавтракать. Мысль эта первым посетила Берта, и после долгих препирательств приятели с ним согласились.

– Чего их сейчас коптить, это ведь дело на всю ночь, – произнес Голос. Берт подумал, что говорит Уильям.

– Хватит, Билл, надоело. Сколько можно спорить?

– А кто спорит? – удивился Уильям.

– Ты, – заявил Берт.

– Врешь! – крикнул Уильям, и спор разгорелся заново. В конце концов решили изрубить гномов на мелкие кусочки и сварить. Достали большой котел, вынули ножи...

– Может, не будем? Воды у нас нет, до родника далеко, и вообще... – произнес Голос. Берт с Уильямом свирепо поглядели на Тома.

– Заткнись! А то мы так не жрамши и останемся. Скажешь еще хоть слово, побежишь за водой.

– Сами вы заткнитесь! – огрызнулся Том. – А ты, Билл, придержи язык, тебе только бы поспорить.

– Помалкивай, пугало! – взъярился Уильям.

– Сам пугало! – не остался в долгу Том.

Словом, тролли, как говорится, перешли на личности. Наконец они поутихли и столковались: сядем, мол, по очереди на каждый мешок, расплющим гномов, а потом сварим.

– На кого на первого сядем? – поинтересовался Голос.

– На последнего, – ответил Берт, разумея Торины, от которого пострадал его глаз. Он-то думал, что говорит с Томом.

– Совсем чокнулся, уже сам с собой болтает, – пробурчал Том. – Решил, так садись. А где он?

– Вон, – показал Берт, – в желтых носках.

– Ерунда! – возразил Голос, подражая Уильяму. – Не в желтых, а в серых.

– А я говорю, в желтых, – уперся Берт.

– Точно, – согласился Уильям, – в желтых.

– Чего же ты вопил, что в серых? – удивился Берт.

– Я? Это не я, это Том.

– Еще чего! Это ты, Билл.

– Двое против одного, так что закрой пасть, – велел Берт.

– Это ты кому? – осведомился Уильям.

– Хватит! – гаркнули хором Берт и Том. – Время идет, вот-вот рассветет. Надо дело делать.

– Наступит рассвет и обратит вас в камни, – торжественно произнес Голос.

В этот миг небо над холмами порозовело, в ветвях деревьев защелкали птицы. Уильям застыл, пригнувшись к земле; Берт с Томом тоже замерли. Они стоят на полянке и по сей день – двое смотрят на третьего, – а птицы выют у них на головах гнезда. Ведь вам наверняка известно, что троллям опасен солнечный свет, и потому до восхода солнца они должны спрятаться под землю, иначе навсегда превратятся в камень, из которого и сотворены. Это и случилось с Уильямом, Томом и Бертом.

– Так-то оно лучше, – проговорил Гэндальф, он вышел из-за дерева и помог Бильбо выбраться из колючего куста. Только теперь хоббит догадался, что это маг заставлял троллей препираться между собой, искусно подражая их голосам. За спором тролли и не заметили, как наступил рассвет.

Вдвоем с хоббитом Гэндальф развязал мешки и вызволил почти задохнувшихся гномов. Те были вне себя от ярости. Еще бы! Каково лежать в мешке и гадать, как тебя съедят – сырым, вареным или жареным. Бильбо рассказал, что с ним приключилось, но гномы никак не могли успокоиться, и рассказ пришлось повторить – только тогда они немного утихомирились.

– Нашел время упражняться, – проворчал Бомбур. – Нет чтобы просто принести еды.

– «Просто» все равно не получилось бы, – возразил Гэндальф. – Но хватит об этом, дело прошлое. Поблизости должна быть пещера – ведь тролли где-то укрывались от солнца. Надо бы ее найти.

Вскоре они наткнулись на отпечатки троллиных башмаков, уводившие вверх по склону. Следы привели к пещере, вход в которую преграждала каменная плита с замочной скважиной. Отодвинуть эту плиту они не смогли, даже когда навалились все вместе. Гэндальф принялся бормотать заклинания, но у него тоже ничего не вышло.

– По-моему, мы не то делаем, – сказал вдруг Бильбо, доставая из кармана огромный ключ (впрочем, для тролля это наверняка был не ключ, а ключик). – Я нашел его у костра. Наверно, выпал у кого-то из кармана.

– Что же ты молчал? – закричали все хором. Гэндальф схватил ключ и вставил в замочную скважину. Ключ повернулся, гномы вновь навалились на плиту, и та отошла в сторону. В пещере стояла омерзительная вонь. Пол устилали кости, всюду валялись награбленные троллями съестные припасы и прочее добро, от медных пуговиц до горшков, набитых золотыми монетами. По стенам висели костюмы и платья, слишком уж маленькие для троллей – боюсь, то была одежда тех, кого они съели, – и несколько мечей, коротких и длинных. Путникам сразу бросились в глаза два клинка в чудесных ножнах: на рукоятях этих клинков искрились самоцветы.

Эти мечи взяли себе Гэндальф и Торин, а Бильбо выбрал нож в кожаном чехле. Для тролля это был, конечно, всего лишь перочинный ножик, а хоббиту клинок подошел в самый раз.

– Неплохо, – проговорил маг, наполовину вытащив меч из ножен и внимательно его разглядывая. – Доброе оружие. Ковали его не тролли и не местные жители, и не в наши дни. Вот прочтем руны, тогда узнаем.

– Пойдемте отсюда, – сказал Фили. – Тут плохо пахнет.

Путники выволокли наружу несколько горшков с золотом, выкатили бочонок с пивом и прихватили все, что показалось им съедобным. Было время завтрака, и слишком уж они проголодались, чтобы воротить носы от троллевой снеди – какая-никакая, а все же еда; к тому же собственных припасов у них осталось всего ничего. А тут и сыр, и хлеб, и грудинка, и много пива...

После завтрака все улеглись – ведь ночь выдалась беспокойной – и проспали до полудня. Потом пригнали пони, отвезли горшки с золотом в потаенное место недалеко от тропы и спря-

тали, наложив на хранилище множество заклятий – чтобы никто не позаимствовал сокровища. Покончив с этим, двинулись по дороге на восток.

– Могу я спросить, где ты был? – осведомился Торин у ехавшего рядом Гэндальфа.

– Глядел, что впереди.

– А что привело тебя обратно, да еще так вовремя?

– Взгляд назад, – ответил маг.

– Понятно, – сказал Торин. – А поподробнее нельзя?

– Я разведывал дорогу. Нас ожидают великие трудности. Так вот, я ехал, обследовал окрестности, и вдруг мне навстречу попались двое моих старинных приятелей из Раздола.

– Это где? – спросил Бильбо.

– Не перебивай, – одернул хоббита Гэндальф. – Если нам повезет, мы доберемся туда через два-три дня. Как я уже сказал, мне встретились двое из эльфов Элронда. Они и предупредили меня насчет троллей, которые спустились с гор и расположились в лесу близ дороги. Толком я ничего не выяснил, потому что эльфы сильно торопились, но понял, что пора возвращаться. А когда повернул коня, увидел вдалеке огонек и поехал на него. Это если поподробнее. Впредь будьте, пожалуйста, осмотрительнее, иначе мы вообще никуда не доберемся.

– Благодарю тебя, чародей. – Торин важно поклонился.

Глава 3

Короткая передышка

Песен уже не пели, историй не рассказывали: погода с каждым днем становилась все лучше, а настроение почему-то – все хуже. Тревога нарастала; казалось, опасность угрожает сразу со всех сторон. Ночевали под открытым небом, под звездами. У пони еды было вдоволь, ведь трава растет повсюду, а вот путники питались впроголодь – сумки почти опустели, даже провизия, взятая из логова троллей, почти кончилась. Как-то утром по широкой мели перебрались через бурную речку, кое-как взобрались на крутой склон и увидели, что горы – вот они, рядом. Мнилось, что до ближайшей из них от силы день неторопливого пути. Бурые скалы, озаренные солнцем, внушали неясный трепет; за ними возносились к небу снежные пики.

– Это и есть Гора? – спросил Бильбо, глаза которого округлились от изумления. Он никогда прежде не видел ничего столь огромного.

– Вовсе нет, – ответил Балин. – Это всего лишь предгорье Мглистых гор, через которые нам хочешь не хочешь, а надо перейти, чтобы попасть в Глухоманье. Оттуда мы двинемся к Одинокой Горе, где возлежит на наших сокровищах проклятый Смог.

– А, – протянул Бильбо. Вдруг он понял, что устал – сильнее, чем когда-либо до сих пор. Ему вспомнилось удобное кресло у камина в уютной гостиной, и он, не в последний раз, пожалел о том, что вообще согласился выйти из дома.

* * *

Теперь вожатаем шел Гэндальф.

– Если мы собьемся с дороги, то наверняка заблудимся, – сказал маг. – А ведь вам нужно подкрепиться и отдохнуть, прежде чем вы двинетесь через Мглистые горы. Кроме того, тропу через горы лучше сначала отыскать по карте, иначе вы рискуете не просто заблудиться, но и вовсе сгинуть. Или вернуться и все начать сначала.

А на вопрос, где же он рассчитывает получить и еду, и отдых, и карту, Гэндальф ответил:

– В Раздole. Это, как должно быть известно кое-кому из вас, чудесная долина у самой границы Глухоманья, и там, в Последней Приветной Обители, обитает Элронд. Я уже отправил весточку, и нас ждут.

Слова чародея обнадеживали, но не слишком, ведь до Последней Приветной Обители нужно было еще добраться. А впереди, сколько ни гляди – ни деревьев, ни тенистых лощин, лишь бесконечный склон, полого уходящий все вверх и вверх, лишь вереск да камни, да зеленая трава и мох, под которым, наверное, прячутся родники.

Утро минуло, наступил полдень, а безрадостная картина ничуть не менялась. Путники тревожились все сильнее, их терзали сомнения – найдут ли они обитель Элронда? Перед ними порой разверзались глубокие ущелья с отвесными склонами; заглянув туда, они видели, что далеко внизу, извиваясь между чахлыми деревцами, бегут ручьи. Попадались и расселины, разные – и широкие, и такие, через которые можно перепрыгнуть почти без разбега; в этих узких, но глубоких щелях шумели водопады. Иногда встречались ямы-ловушки: вроде лужайка как лужайка, зеленая травка, яркие цветы, но стоит на нее ступить – и поминай как звали, уже не выберешься.

Оказалось, что от реки до гор вовсе не близко. Бильбо поспешал за остальными, все время озираясь по сторонам. Тропа была отмечена белыми камнями, столь крохотными, что их было не различить; а камни побольше прятались среди вереска, поэтому даже Гэндальф, маг, сведущий во всем и знавший окрестности Раздole как свои пять пальцев, то и дело оста-

навливался и раздумывал. Мало-помалу начало смеркаться; ощущение было такое, будто за этот день не продвинулись ни на шаг.

Время полдника давно миновало, но они не полдничали; с ужином, похоже, будет то же. Кругом вились мотыльки, сумерки становились все гуще, а луна вставать не торопилась. Пони спотыкались о камни. Неожиданно склон оборвался, и Гэндальф вместе с конем чуть было не ухнул с обрыва.

– Наконец-то! – воскликнул маг. Все посмотрели вниз, на раскинувшуюся перед ними долину. Слышно было, как журчит вода в каменистом русле реки. Ветерок доносил пряный аромат сосен, за рекой разливался свет.

Спускаясь в долину по извилистой тропке, то поскальзываясь, то едва ли не катясь кубарем, Бильбо решил, что не забудет этого спуска до конца своих дней. Впрочем, скоро обрывистый склон стал положе, сделалось теплее, чем наверху, смолистый запах сосен навевал дремоту, и хоббит незаметно для себя начал клевать носом. Путники спускались, а их настроение поднималось. Бор остался позади, из полумрака, теперь совсем не страшного, проступали стволы дубов и буков, а травы под ногами было уже не разглядеть.

Тропинка вывела на вершину невысокого холма прямо над рекой.

– Гм, – произнес Бильбо. – Пахнет эльфами.

Он поглядел на звезды, ярко сиявшие в небе. И тут среди деревьев рассыпался звонкий смех и зазвучала песня:

Ах, куда вы? Ах, что вы?
Ах, зачем вам идти?
Ах, у пони подковы
Истерлись в пути!
О! Тра-ли-ли-лину!
Спускайтесь в долину!
Ах, куда ж вы идете?
Ах, зачем вам туда?
А у нас вы найдете
Ночлег без труда.
О! Тра-ли-ли-лине! —
Ныне в долине.
Хо! Хо!
Ах, что вас торопит,
Как пташек – весна?
Ведь вам, сударь хоббит,
Ваша цель не ясна!
А гномам в долине
понравится ныне,
в июне!
Хо! Хо!

Вы к нам, бедолаги,
Иль мимо и прочь?
Устали коняги,
И скоро уж ночь!
Кто прочь, тот – глупец!
А кто к нам – молодец:
Ему мы за это

будем петь до рассвета
песни!
Хо! Хо!

Так смеялись и пели эльфы. Какая милая песенка ни о чем! – скажете вы. Эльфы ничуть не обиделись бы на эти слова, наоборот – рассмеялись бы звонче прежнего. Бильбо вскоре разглядел их в сгущающейся тьме. Ему нравились эльфы, все без исключения, хотя встречался он с ними редко; он любил их – и немного побаивался. А вот гномы с эльфами не ладили. Даже почтенные гномы – такие, как Торин и его спутники, – считали эльфов оболтусами и пустозвонами (что было просто глупо) и сердились на них за то, что эльфы обожают дразниться и потешаться над гномами, в особенности – над длинными гномьими бородами.

– Ну и ну! – воскликнул кто-то. – Вы только поглядите! Хоббит Бильбо верхом на пони! Вот это зрелище!

– Чудеса! Восхитительно!

Зазвучала новая песня, столь же нелепая, как и первая. Молодой высокий эльф соскочил с дерева и поклонился Гэндальфу с Торином:

– Добро пожаловать в Раздол.

– Благодарствую, – сурово ответил Торин. Гэндальф же спрыгнул с лошади, смешался с эльфами и завел с ними веселый разговор.

– Вы чуть сбились с пути, – продолжил высокий эльф. – Но мы с радостью укажем вам ту единственную тропу, которая ведет к Обители. Идти лучше пешком, покуда не перейдете мост. А может, посидите с нами? Попели бы вместе... Впрочем, в Раздоле вас ждут и уже готовят праздничный ужин. – Он потянул носом. – Пахнет костром.

Уставший Бильбо предпочел бы задержаться. В конце концов, когда еще он услышит песни эльфов? И потом, не мешало бы перекинуться парой слов с теми, кто неизвестно откуда знает, как его зовут. Может, удастся выведать что-нибудь этакое о предстоящем приключении. Ведь эльфам ведомо многое – обо всем, что творится на свете, они узнают так же быстро, как течет вода в реке, и даже быстрее.

Однако гномам не терпелось поужинать, поэтому задерживаться не стали. Путники спешили и, ведя своих пони в поводу, двинулись к реке. Поток, начинавшийся высоко в горах, там, где солнечные лучи растапливали снег, был быстрым и шумным. Через него осторожно, по одному, перебрались по узенькому мостику без перил. Между тем эльфы с фонарями в руках высыпали на берег и принялись дразниться.

– Эй, папаша! – кричали они Торину, который не шел, а почти полз по мосточку. – Не замочи бороду! Она у тебя и так длинная! Что будешь делать, когда отрастет до пят?

– Бильбо, смотри не сломай все пироги! Вы уж за ним приглядывайте! Иначе он точно не пролезет в замочную скважину!

– Тихо, тихо, Добрый Народ, – проговорил Гэндальф, замыкавший цепочку. – Даже у долин есть уши, а у некоторых эльфов слишком длинные языки. Спокойной ночи.

Двери Последней Приветной Обители были распахнуты настежь. Гостей ждали.

Как ни странно, о днях безмятежного покоя и отдыха, о приятном времяпрепровождении – словом, обо всем хорошем скучновато рассказывать и скучновато слушать; вот если происходит что-нибудь неприятное или плохое, из этого можно состряпать отличную историю, которую всегда будут принимать на «ура». Путники надолго задержались в Обители – по меньшей мере на четырнадцать дней, – и уходить было тяжело. Бильбо с готовностью остался бы там на веки вечные: ему так понравилось в Обители, что он почти перестал тосковать по своей уютной норке. Но – о пребывании путников в Раздоле мало что можно поведать.

Последней Приветной Обителью управлял друг эльфов Элронд, один из тех, о чьих предках складывали небылицы еще до начала Истории, во времена жестоких сражений между злб-

ными гоблинами и эльфами, которым помогали люди с севера. В дни, о которых мы повествуем, встречались еще те, кто вел свой род от эльфов и северных воинов, и Элронд был их предводителем.

Ликом он был прекрасен, как князь эльфов, силен и доблестен, как великий воин, мудр, как чародей, важен, как король гномов, добр и ласков, как лето. О нем сложили множество преданий; но Бильбо, Торино и прочим – в этом вы убедитесь сами, если мы благополучно доберемся до конца нашей повести, – он помог только советом, что, впрочем, тоже немало. В Обители Элронда каждый занимался чем хотел – ел, спал, работал, болтал, пел, размышлял, или все это вместе. А вот злу дорога в Раздол была заказана.

С каким удовольствием я бы пересказал хотя бы несколько преданий и песен, услышанных гостями в Обители! Увы, это увело бы нас далеко в сторону. Скажу лишь, что все путники хорошо отдохнули и подкрепились, заштопали одежду, подлечили дорожные ушибы и воспряли духом.

Но всему хорошему приходит конец. Приближался день летнего солнцеворота, и пора было отправляться в путь. На пони вновь навьючили мешки и сумки, битком набитые эльфийской едой. Ее вполне должно было хватить на предстоящий переход через Мглистые горы.

В день перед расставанием Гэндальф показал Элронду мечи, которые они с Торином нашли в логове троллей.

– Это очень древние клинки, – сказал Элронд, знавший все на свете руны. – Они когда-то принадлежали моим родичам, Вышним Эльфам с Запада. А выковали их в Гондолине в незапамятные времена. Должно быть, они стали добычей какого-нибудь дракона или гоблина, попали в чужие лапы, когда вражеские полчища разрушили и разграбили Гондолин. Твой клинок, Торин, на древнем наречии зовется Оркрисом – Гоблиносеком. Этот меч прославлен в легендах и песнях. А твой, Гэндальф, зовется Гламдринг, то есть Вражемолот. Им некогда сражался сам король Гондолина. Берегите свои мечи.

– Интересно, как они попали к троллям? – проговорил Торин, с любопытством изучая свой клинок.

– Наверняка не скажу, – ответил Элронд. – Быть может, ваши тролли ограбили других воров или случайно наткнулись в горах на припрятанную добычу. Я слышал, что в рудниках Мории до сих пор находят древние сокровища, укрытые там предками нынешних гномов.

– Я сохраню этот меч во что бы то ни стало, – поклялся Торин. – Надеюсь, он еще покосит гоблинов.

– Твои надежды могут сбыться в горах, – отозвался Элронд. – Разрешите, я взгляну на вашу карту.

Он взял пергамент и долго смотрел на него, качая головой. Элронд недолюбливал гномов, снedaемых страстью к золоту и самоцветам, но с гномами все же можно было как-то договориться, а вот вразумить обуйанных звериной злобой и жестокостью драконов не удавалось еще никому. Где ныне веселый город Дол с его колоколами? Одни развалины да опаленные драконьим пламенем берега Бегущей... Элронд поднял карту и принялся разглядывать ее в лунном свете.

– Что это? – воскликнул он вдруг. – Тут не только простые руны, видите? Какая-то надпись лунными рунами...

– А что такое «лунные руны»? – прошептал сам не свой от восторга хоббит. Помните, он обожал всякие карты, а еще был без ума от затейливой вязи старинных букв и рун, хотя сам писал почти как курица лапой.

– Лунные руны можно увидеть, только если на них упадет свет луны, причем луна должна быть в той же самой четверти, как и в ту ночь, когда были начертаны руны. Эти руны изобрели гномы, наносившие их на пергамент серебряными перьями. Спроси у своих товарищей, они тебе расскажут. Похоже, эту надпись начертали тоже в канун солнцеворота...

– Что она гласит? – спросили хором Гэндальф и Торин. Им обоим было немного досадно, что надпись обнаружили не они; оставалось утешаться тем, что до сих пор у них просто не было случая тщательно изучить карту.

Элронд стал читать:

– «Встань у серого камня, дрозд когда запоем и закатного солнца последний луч на замочную скважину упадет в День Дарина».

– День Дарина, – повторил Торин. – Дарином звали самого первого гнома, старейшину Длиннобородых – это наш королевский род. Между прочим, я – потомок Дарина.

– И что же такое День Дарина? – справился Элронд.

– Первый день нового года по календарю гномов, – ответил Торин. – Всем известно, что в этот день на пороге зимы луна входит в последнюю четверть и встречается с солнцем. Вот что такое День Дарина. Но вряд ли надпись чем-то нам поможет, ведь нынче никто не угадает, когда наступит нужный срок.

– Это мы еще посмотрим, – заявил Гэндальф. – Больше там ничего не написано?

– Как будто нет, – ответил Элронд и вернул карту Торину. Потом все спустились к реке – посмотреть, как танцуют эльфы, и послушать их песни.

Следующее утро выдалось таким чудесным, что лучшего и желать нечего: небо безоблачное, солнце ослепительно яркое, речная вода вся в бликах. Путники решительно двинулись вперед, а вслед им неслись прощальные возгласы, пожелания удачи и песни эльфов. Впереди возвышались Мглистые горы, которые нужно было преодолеть во что бы то ни стало.

Глава 4

Через горы и под горами

К горам вело множество троп, а через горы – множество перевалов; но тропы в основном были дикие, неверные и заводили они или в тупик, или вообще никуда, а перевалы и того хуже – на них кишела тьма злобной нечисти и творились ужасные вещи. Впрочем, путники не плутали – спасибо Элронду за совет и Гэндальфу за его памятьливость! Они поднимались по верной тропе к верному перевалу.

День за днем, выбравшись из долины и оставив позади Последнюю Приветную Обитель, они поднимались в гору. Дорога вела вверх, и вверх, и вверх. Это был нелегкий путь, опасный путь, извилистая тропа, неторная и долгая. И вот однажды, оглянувшись, они увидели землю, которую покинули, – увидели всю, от края до края. И далеко-далеко на западе, там, где мир терялся в голубоватой дымке, там – Бильбо знал, – где-то там лежала милая сердцу Хоббита-ния, где-то там ждала своего хозяина уютная норка. Он поежился.

Было жутко холодно, завывал ветер. Порой со склонов срывались валуны, вытопленные из снега полдневным солнцем; огромные камни то проносились со свистом между путниками, то пролетали над самыми их головами, и тогда все испуганно вздрагивали. Ночи тоже не приносили покоя; петь и даже громко разговаривать никто не отваживался – горное эхо разносилось на многие мили окрест, и чудилось, что царящей вокруг тишине не по нраву чужеродные звуки – ведь привыкла она разве что к журчанию воды да к вою ветра и грохоту камнепадов.

«А внизу еще лето, – подумалось Бильбо. – Сенокос, праздники... Прежде чем мы переедем через горы, там, у нас, уже поспеют ягоды».

Мысли гномов были ничуть не веселее. Все приуныли, хотя, когда прощались с Элрондом, были радостны. Частенько поминали они свои планы, казавшиеся теперь несбыточными, – с ходу перебраться через Мглистые горы и двинуться напрямик к Одинокой горе. Гномы рассчитывали достичь цели путешествия к первой осенней луне: «Может, это будет как раз День Дарина», – говорили они. А Гэндальф, слушая их, качал головой, но помалкивал. Он-то знал, сколько опасностей ждет их на пути, сколько всяких злобных тварей появилось в Глухоманье с тех пор, как драконы изгнали оттуда людей, а гоблины сумели проникнуть в пещеры Мории. Мудрым магам и добрым друзьям вроде Элронда хорошо известно, что Глухоманье очень даже просто может расстроить самый удачный план; а мага мудрее Гэндальфа и друга надежнее Элронда надо еще поискать.

* * *

Гэндальф знал, что может случиться всякое, и догадывался, что Мглистые горы с их высоченными пиками и глубокими ущельями, давно забывшими о королях былого, так просто путников не пропустят. Его опасения оправдались. Началась буря – да какая там буря, самый что ни на есть настоящий ураган. Когда два могучих ветра сталкиваются на равнине или в речной долине, – и то бросает в дрожь. Попробуйте же представить, что творится в горах, когда сходятся в битве стремительные вихри с запада и с востока! Грохочет гром, молнии вонзаются в скалы, сотрясая их до основания, огромные камни взлетают в воздух, катятся по склонам, разбиваются вдребезги, а ночную тьму вспарывают ослепительные вспышки, вослед которым раздается чудовищный грохот.

Бильбо никогда ничего подобного не видел и даже вообразить не мог, что такое бывает. Буря застигла путников в узком ущелье высоко в горах: с одной стороны была почти отвесная каменная стена, с другой – затянутая туманом и наверняка бездонная пропасть. Выбирать

не приходилось, поэтому заночевали в этом ущелье, укрывшись под выступом скалы. Хоббит закутался в одеяло, но все равно дрожал с головы до ног – от холода и от страха. При вспышках молнии он видел каменных великанов, которые, откровенно радуясь непогоде, затеяли игру – швыряли друг в друга громадные валуны, ловили их и бросали вниз, на невидимые в темноте деревья, где они разбивались вдребезги. Буря разгулялась не на шутку, ветер задул резкими порывами, хлынул дождь, забарабанил по скале град. Вскоре все вымокли до нитки; пони опустили головы, поджали хвосты и только испуганно ржали. А великаны громко вопили и гоготали; казалось, они потешаются над промокшими и продрогшими путниками.

– Худо дело, – мрачно промолвил Торин. – Нас или сдует, или затопит, если раньше не испепелит молнией. А не то еще великаны заметят и решат, что мы вполне сойдем за мячики.

– Коли знаешь местечко получше, отведи нас туда, – раздраженно бросил Гэндальф. – А коли нет, так нечего ворчать.

Перепалка завершилась тем, что Фили и Кили, как самые молодые – лет на пятьдесят моложе прочих гномов – и самые зоркие, отправились искать укрытие понадежнее. Им было не привыкать к подобным поручениям (вы, конечно же, понимаете, что посылать на разведку Бильбо не имело ни малейшего смысла). Кто ищет, тот всегда найдет – приблизительно так высказался Торин, напутствуя молодых гномов. Но учтите, прибавил он, находишь обычно не то, что искал. И как в скором времени выяснилось, напутствие Торина оказалось пророческим.

Разведчики вернулись быстро – приползли, цепляясь за камни, чтобы не сдуло в пропасть.

– Мы нашли пещеру, – выпалили они в один голос. – Совсем рядом. Там сухо и просторно, мы все поместимся, даже пони.

– Вы хорошо ее осмотрели? – спросил маг, отлично знавший, что горные пещеры редко бывают бесхозными.

– А как же! – откликнулись Фили и Кили. – Она не слишком большая и не слишком глубокая, но места в ней хватит всем.

Честно говоря, разведчики вряд ли успели обследовать пещеру как следует – уж больно недолго они отсутствовали. Но путники настолько продрогли, что им было не до осторожности. А между тем, когда имеешь дело с пещерой, самое главное – выяснить, насколько она глубока, куда ведет и не живет ли там кто. Все кое-как поднялись и потащились по тропе, волоча за собой упирающихся пони. Натужно ревел ветер, свирепо грохотал гром. По счастью, идти было недалеко – до скалы, возвышавшейся чуть в стороне от тропинки. Обойдя ее, путники увидели темное отверстие – широкое ровно настолько, чтобы в него могли протиснуться пони без седел и без поклажи. Все забрались внутрь. Это было просто великолепно – наконец-то укрыться от ливня с градом и от великанов с их каменюками.

Один лишь Гэндальф не утратил благоразумия. Он засветил свой посох – как в тот далекий день в норе Бильбо – и заставил компанию тщательно осмотреть пещеру.

Она была не то чтобы маленькой – вполне подходящего размера; в ней имелось несколько уютных закутков, а главное – под ногами сухо и с потолка за шиворот не капает. Мокрые и продрогшие пони радовались перемене ничуть не меньше своих хозяев, их отвели подальше от входа и оставили в укромном уголке. Глоин с Оином собрались развести костер, чтобы согреться и высушить одежду, но маг запретил. Поэтому путники попросту переоделись в сухое, а мокрое разложили на полу пещеры; затем расстелили одеяла, вынули трубки и закурили. Гэндальф развлекался – окрашивал кольца дыма в разные цвета и заставлял танцевать под сводом. О ненастье забыли, завязался разговор: обсуждали, что каждый сделает с причитающейся ему долей сокровищ, на что ее пустит (то, что сокровища будут добыты, казалось само собой разумеющимся). Мало-помалу начали засыпать. И никто из компании не догадывался, что больше не будет у них ни пони, ни дорожных котомок, ни мешков с инструментами – словом, ничего из того, что было у них до сих пор.

Хорошо еще, что в эту ночь с ними был маленький Бильбо. Хоббит долго не мог заснуть, а когда все же задремал, ему привиделся ужасный сон. Будто трещина в стене, в дальнем конце пещеры, стала вдруг расширяться, становясь все больше и больше, и будто он настолько испугался, что не посмел даже пискнуть – лежал да смотрел. Затем пол пещеры словно накренился, и Бильбо заскользил, падая невесть куда...

Хоббит вздрогнул – и понял, что это не сон. В дальнем конце пещеры и вправду разверзлась дыра, в которой на глазах Бильбо исчез хвост последнего пони. Он завопил – так громко, как может вопить только хоббит (а такого крика, ручаясь, вам слышать не доводилось).

И тут из дыры полезли гоблины – огромные, дюжие, отвратительные гоблины. Их было по меньшей мере шестеро на каждого гнома, а двое накинулись на Бильбо. Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, гоблины схватили пленников и потащили в дыру. Враги застали врасплох всех – всех, кроме Гэндальфа. Маг пробудился от вопля Бильбо и мгновенно все понял. И едва гоблины бросились к нему, пещеру озарила ослепительно яркая вспышка, словно сверкнула молния, запахло порохом, и несколько гоблинов пало замертво.

Трещина с грохотом сомкнулась – Бильбо с гномами очутились за стеной. А где же Гэндальф? – спросите вы.

Этого не знали ни пленники, ни налетчики, которые, впрочем, не имели ни малейшего желания разыскивать чародея. Они не мешкая двинулись по вырубленному в скале проходу, в котором было так темно, что хоть глаз выколи. В такой тьме могут жить одни лишь горные гоблины. Подземные коридоры сходились и расходились, пересекались под всевозможными углами, во всех направлениях, но гоблины знали свой путь, как вы – дорогу до почты. Все ниже и ниже, все глубже и глубже; становилось нестерпимо жарко. Грубые гоблины немилосердно щипались, фыркали и мерзко гоготали. Хоббиту было страшно – страшнее даже, чем тогда, когда его схватил за шиворот тролль. Он вновь пожалел о своей опрометчивости. Оказаться бы сейчас в уютной норке на Круче...

Впереди замерцал алый огонь. Гоблины загорланили песню, отбивая такт своими плоскими лапами и встряхивая пленников.

Хрум! Хруп! Гоблин груб!
 Грабь! Гробь! Дроби дробь!
 Вниз, вниз – заждались
 Там вас, мил друг.
 Кряк! Бряк! Да как – шмяк!
 Ключ – замок, дверь – порог!
 Плеть! Клеть! Гляди, впредь
 Дам в глаз, мил друг!
 Вам и впредь будет плеть!
 На бегу обожгу! У меня чтоб ни гу-гу!
 Вас тут ждут труд да труд,
 Чтобы гоблин жил, чтобы гоблин не тужил!
 Вниз, во мрак! Вот так,
 В самый раз, мил друг!

Звучало это поистине ужасающе. Особенно «Хрум! Хруп!» и «Кряк! Бряк!». Эхо вторило гнусному смеху гоблинов. Потом эти лиходеи вытащили кнуты – хлысть! свисть! – и велели пленникам бежать бегом, и гномы не раз и не два отведали по дороге гоблинского кнута.

Наконец достигли громадной пещеры, посредине которой пылал костер. На стенах чадили факелы. В углу стояли пони, поодаль валялись мешки и котомки, разграбленные, вывернутые, что называется, наизнанку. По правде сказать, своих пони – и того крепкого

белого конька, которого Элронд подарил Гэндальфу, – пленники, как это ни жаль, видели в последний раз. Ведь гоблины всегда голодны и охотно едят лошадей, пони, ослов (и не только их – брр!..).

Гоблинов в пещере было полным-полно. Завидев гномов, позади которых ковылял несчастный Бильбо, они загоготали, затопали и захлопали, а гоблины-надсмотрщики завывли и зашелкали кнутами. Пленников согнали в кучу, надели на них ручные кандалы, потом обмотали всех одной веревкой и поволокли в самый темный угол пещеры.

Там восседал на большом плоском камне омерзительный гоблин с огромной головой. Вокруг него стояли другие, вооруженные топорами или кривыми мечами – излюбленным оружием гоблинов. Да, ныне гоблины уже не те, что прежде, – они стали злы и жестоки, их сердца зачерствели. А когда-то они были искусными мастерами и никто не мог сравниться с ними в умении рыть подземные ходы. Молоты, мечи, топоры, кинжалы, кирки, гонги, а также пыточные инструменты они великолепно ковали сами – или заставляли ковать своих рабов, которые быстро умирали под землей от нехватки воздуха и от жажды. Может быть, именно гоблины изобрели машины, поколебавшие устои мира, в особенности – машины для убийства; в конце концов, им всегда нравились колеса, двигатели и взрывы. Грязнули и неряхи, они всячески отлынивали от работы, заставляя трудиться на себя своих пленников. Гномов гоблины ненавидели не то чтобы так уж сильно – скажем прямо, не сильнее, нежели всех остальных (среди гномов попадались и такие, кто сумел заключить с гоблинами союз). Но вот род Торина они поклялись истребить – еще давно, во времена войны, о которой уже упоминалось.

Вдобавок, гоблинам было все равно кого хватать – лишь бы жертвы не сопротивлялись.

– Кто эти жалкие твари? – осведомился Верховный Гоблин.

– Гномы. И этот. – Один из надсмотрщиков дернул за веревку, и Бильбо рухнул на колени. – Прятались у парадного входа. Там мы их и взяли.

– Интересно. – Верховный Гоблин повернулся к Торину. – Что все это означает? Небось вынюхивать явились, а? Подслушивали да подглядывали? Тати гнусные! Хотели нас ограбить! Уж я знаю вас, убийцы, приятели эльфов. Чего молчишь?

– Меня зовут Торин, – сурово произнес Дубовый Щит. – Все свои домыслы можешь оставить при себе. Мы просто укрылись от бури в пещере и вовсе не собирались подглядывать за гоблинами. Нам это ни к чему, у нас другие дела.

– Рассказывай! – Верховный Гоблин презрительно хмыкнул. – Как вы вообще оказались в горах и куда идете? Ну-ка отвечай! Всю правду, не увиливай! Хотя это тебе вряд ли поможет, Торин Дубовый Щит, я и так уже слишком много знаю о твоём жалком племени. Но утоли мое любопытство. А коли обманешь – пеняй на себя!

– Мы идем навестить наших родичей, наших племянников, братьев и сестер и всех остальных. Они живут на восточных склонах сих гостеприимных гор, – сказал Торин, чуть помедлив (ведь ясно было, что правду нельзя говорить ни в коем случае).

– Врет он, о всеужаснейший! – вмешался надсмотрщик. – Мы вежливо пригласили их спуститься с нами, и тут в пещере сверкнула молния и наши товарищи попадали замертво. А еще он не объяснил, откуда у него вот это. – И гоблин показал своему главарю меч из логова троллей.

Верховный Гоблин взвыл от ярости, а все прочие заскрежетали зубами, застучали в щиты и затопали ногами. Они сразу узнали клинок, сразивший сотни гоблинов в те времена, когда кудесники-эльфы из Гондолина осаждали вражеские крепости. Эльфы именовали меч Оркристом, то есть Гоблиносеком, а гоблины называли его просто Кусачом. Они ненавидели лютой ненавистью и сам меч, и всех, кто им владел.

– Убийцы и дружки эльфов! – завопил Верховный Гоблин. – Бей их! Кусай! Рви! Бросьте их в темницы к змеям, и да не увидят они вовек света! – Он так разъярился, что спрыгнул со своего трона и ринулся на Торина, широко разинув пасть.

Вдруг в пещере погасли все факелы. Громадный костер потух, на его месте возник столб голубого светящегося дыма, поднимавшегося к потолку и рассыпавшего вокруг белые искры.

Вопли, визг, лепет, вой, рык, всхлипы и проклятия, которыми огласилась пещера, не поддаются никакому описанию. Даже если поджаривать живьем на медленном огне сотню-другую диких кошек или волков – и то получится не так громко. Искры прожигали гоблинов насквозь, густой дым не позволял им что-либо разглядеть. Скоро все попадали друг на дружку и, точно обезумев, принялись кататься по полу, пинаться и кусаться.

И тут лезвие Оркиста в лапах стражника налилось светом. На глазах Бильбо из мрака возник еще один меч, и мерцающее лезвие пронзило Верховного Гоблина, застывшего в изумлении возле трона. Главарь рухнул как подкошенный, а его охранники, спасаясь от клинка, с воплями скрылись во мраке.

Меч потускнел.

– Идите за мной, – велел суровый голос. И Бильбо, прежде чем понял, что, собственно, происходит, уже мчался как угорелый за гномами по подземному коридору, а крики гоблинов постепенно затихали в отдалении. – Скорее, скорее! – подгонял голос. – Вот-вот зажгут факелы!

– Я сейчас! – Дори, бежавший впереди Бильбо, остановился, подождал хоббита, заставил его забраться к себе на закорки и кинулся следом за остальными. Кандалы позвякивали, гномы часто спотыкались и падали – ведь руки у них были скованы и хвататься за стены, чтобы сохранить равновесие, было нечем.

Остановились нескоро – лишь когда очутились в самом сердце горы. Гэндальф засветил свой посох. Разумеется, это был Гэндальф, как всегда, подоспевший на выручку вовремя. Впрочем, выяснять, откуда он взялся, было некогда. Меч в руке мага мерцал холодным голубоватым светом – гоблины были где-то поблизости. Тем же самым клинком, которым сразил Верховного Гоблина, владыку подземелья, Гэндальф рассек оковы на руках гномов. Этот меч, как вы помните, звался Гламдринг, то есть Вражемолот.

Гоблины называли его Било и ненавидели даже сильнее Кусача, если такое возможно. Гэндальф с поклоном протянул Торину Оркист: воспользовавшись суматохой, маг вырвал клинок у одного из охваченных паникой гоблинов. Вообще Гэндальф позаботился о многом, и не его вина, что гномам и хоббиту пришлось пережить несколько неприятных минут.

– Все тут? – спросил маг. – Поглядим. Торин – раз. Так, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... Где Фили и Кили? А, вот они. Двенадцать, тринадцать, и господин Торбинс – четырнадцатый. Великолепно! Могло быть или гораздо хуже – или гораздо лучше. Пони сгнули, еда тоже, мы не знаем, где находимся и в какую сторону идти, а за спиной у нас орда разъяренных гоблинов... Ладно, пошли.

Они двинулись наугад. Довольно скоро послышался топот множества ног – гоблины оправились от изумления и пустились в погоню. Путники ускорили шаг, и бедный Бильбо сразу же отстал. Его снова посадили на закорки и понесли, передавая по очереди друг другу.

Но гоблины настигали гномов – они лучше знали дорогу, потому что сами рыли эти пещеры и были, вдобавок, просто вне себя от ярости. Злобные крики доносились отовсюду. Топот ног слышался совсем уже близко, на стенах замерцали отблески от горящих факелов.

Гномы смертельно устали, но продолжали бежать.

– И зачем только я пошел с вами?! – простонал господин Торбинс, подскакивая на спине у Бомбура.

– И зачем только я тащу на себе этого треклятого хоббита?! – в тон ему отозвался Бомбур. Толстяка шатало, он был весь мокрый от пота.

Гэндальф и Торин, пропустив остальных вперед, обнажили клинки.

– По очереди! – крикнул маг. – Давай, Торин!

Гоблины с громкими криками вывалились из-за угла – и напоролись на Оркрист с Гламд-рингом. Клинки холодно мерцали. Первые из преследователей выронили факелы и упали мертвыми. Прочие попятились, но сзади на них наседали. Все смешалось. Под вопли: «Кусач! Било!» гоблины развернулись и, топча друг друга, бросились вспять. Совсем не скоро отважились они вернуться.

К тому времени гномы успели уйти далеко. Тогда гоблины потушили факелы и отправили на разведку самых своих быстрых и зорких товарищей. Те натянули мягкие башмаки и двинулись по коридорам бесшумнее летучих мышей.

И ни Бильбо, ни гномы, ни даже Гэндальф ничего не заподозрили, ничего не услышали и не увидели. А гоблины, кравшиеся во мраке, заметили своих обидчиков издалека, ибо маг зажег на конце посоха огонек, чтобы освещать дорогу.

И вот тогда-то Дори, который как раз опять тащил на закорках хоббита, вскрикнул и упал – в полумраке его схватили за ногу. Бильбо скатился на пол, ударился головой о камень и перестал что-либо чувствовать.

Глава 5

Загадки во мраке

Открыв глаза, Бильбо ровным счетом ничего не увидел – ни зги! И не услышал ни звука! Только представьте весь ужас маленького хоббита! Ничего не видно, ничего не слышно; ясно лишь одно – он по-прежнему в подземелье.

Бильбо кое-как приподнялся и на четвереньках пополз куда-то наугад. Полз и полз, пока не уперся в стену. Ну и дела – ни гоблинов, ни гномов. И куда все подевались? В какую сторону надо двигаться, чтобы выбраться на волю, хоббит не имел ни малейшего понятия; голова кружилась. Собравшись с силами, он пополз дальше по коридору – авось куда-нибудь да приползет; и вдруг его пальцы нащупали на полу нечто круглое и холодное – металлическое колечко. Бильбо сунул находку в карман, так, на всякий случай (откуда ему было знать, что это за колечко и какой от него может быть прок). Потом, когда устал ползти, уселся и долго сидел в темноте, подавленный случившимся и совершенно сбитый с толку. Ему виделось, будто он жарит у себя на кухне бекон с яичницей, – очень уж хотелось кушать, ну просто сил нет как хотелось. Но ни кушать, ни даже перекусить было нечем, и Бильбо понял, что на сей раз дела обстоят и вправду худо.

Он никак не мог решить, что же ему делать дальше, никак не мог понять, что вообще происходит и почему его бросили одного, а еще – почему его не схватили гоблины и отчего так болит голова. Некоторое время спустя хоббит пошарил по карманам и нащупал трубку. Цела! И на том спасибо. Отыскался и кисет с табаком. Совсем хорошо! Но спичек в карманах не оказалось, и Бильбо вновь приуныл. Однако, размыслив здраво, он сказал сам себе, что переживать не стоит – ведь на огонек спички, на аромат табачка могут пожаловать какие-нибудь гнусные твари, которые наверняка водятся в этом жутком подземелье. И тут рука хоббита нащупала рукоять меча – того самого кинжала, который Бильбо позаимствовал в логове троллей. К счастью, гоблины не обыскивали пленников, а потому кинжал не отобрали.

Хоббит обнажил клинок. Тот тускло замерцал.

«Выходит, тоже не простой, – подумал Бильбо. – Тоже эльфийский. Раз он светится тускло, значит, поблизости гоблинов нет, но они не так уж далеко».

Он слегка приободрился. Не каждый может похвастаться тем, что у него есть эльфийский клинок, выкованный в незапамятные времена в легендарном Гондолине. Вдобавок Бильбо успел заметить, что гоблины боятся таких клинков.

– Куда дальше? – бормотал хоббит себе под нос. – Назад? А какой смысл? Свернуть здесь некуда... Тогда вперед. Пошли, дружище. – С этими словами он встал и двинулся во мрак: одну руку, с мечом, он выставил вперед, а другой держался за стену. Сердце его бешено колотилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.